

Юный Натуралист

ISSN 0205-5767

1999

4

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

НА УЗКОЙ ТРОПИНКЕ

Старожилы Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов нашей страны еще помнят время, когда даже на перекрестках главных магистралей не было светофоров. Как же обходился без них транспорт? Как решали два вагоновожатых, какой трамвайный состав должен первым пересечь развилку? Чтобы избежать столкновений, для подобных ситуаций были предусмотрены простые правила: право первым проследовать через перекресток имел старший по номеру трамвай. Согласно этому правилу трамвай номер девять должен был уступить дорогу трамваю десятого маршрута, пятый — шестому, а трамвай номер один обязан был пропускать трамваи всех остальных маршрутов.

В человеческом обществе для подобных случаев существует этикет: дети дол-

В сообществе обитателей африканской саванны жирафы обладают высшим рангом. Все беспрекословно уступают им дорогу.

жны уступать дорогу старшим, мальчики — девочкам, человек, идущий налегке, человеку, несущему поклажу. А как в сходных ситуациях поступают животные? Чем руководствуются они? Кто кому уступает дорогу?

Многие животные образуют стада или собираются в стаи. Летом, когда у лосих подрастут и окрепнут лосята, а у кабанов — полосатенькие поросята, они собираются в стаи и до следующей весны бродят по лесам и лугам большими и сплоченными компаниями. Живут стадами зубры, слоны, многие антилопы, зебры, жирафы; в стаи собираются волки и гиеновые собаки. Большими семейными группами — прайдами — живут львы. Правилами хорошего тона всем им приходится пользоваться ежедневно, ежеминутно. Без этого просто шагу ступить нельзя. Другие животные хотя и живут отшельниками, но и им время от времени приходится сталкиваться со своими соплеменниками, а значит, придерживаться определенного этикета им совершенно необходимо.

КУРИЦА ЧЕТВЕРТОГО РАНГА

В 1722 году царь Петр обнародовал Табель о рангах, по которому поделил военных и чиновников своего государства на 14 классов. Согласно установленному царем порядку, человек, дослужившийся до чина младшего офицера, становился потомственным дворянином и передавал заслуженные им привилегии своим потомкам, даже если они оказывались людьми никчемными, недостойными быть отнесенными даже к самому низшему разряду.

Табель о рангах существует и у животных, причем содержит подчас неожиданно большое число классов. На птичьем дворе всегда командует доминирующая курица. Она безжалостно клюет своих товарищей, если те недостаточно поспешно уступили ей дорогу или место у кормушки, и никто из обиженных не решается дать этой птице сдачи. Это доминант — птица первого ранга.

Рядом с доминантом обычно прохаживаются одна или две курицы вто-

**Юный
Натуралист**

1999

4

научно-популярный иллюстрированный
детский и юношеский журнал.
Выходит один раз в месяц.
Журнал основан в 1928 году.

Дельфины афалины располагаются в толще воды соответственно подчиненности друг другу. Животные высшего ранга плавают вблизи водной поверхности.

рого ранга. Они терроризируют всех остальных кур и только по отношению к доминантной испытывают почтение, только ее клевки безропотно сносят. Эти куры клюют даже куриц третьего ранга, а уж те всех остальных. В большом птичнике бывают куры 4, 5, 6 и даже 7 рангов. В каждом ранге может состоять несколько птиц, и чем ранг ниже, тем их больше. Птицам самого низшего ранга живется нелегко. Они должны двигаться медленно, не кудахтать и быть очень внимательными, дабы ничем не раздражать птиц рангом выше. Если вместе с курами живет петух, он обычно недолюбливает властных, строптивых птиц и водит дружбу с курами низших рангов.

Случается, что в стадах высших животных бывает одновременно несколько вожаков, представителей высшего ранга. Такие случаи наблюдали в стадах павианов-бабуинов. Обычно это бывают близкие родственники, к тому же сверстники, детство которых

прошло в совместных играх. Вожаки-бабуины очень дружны и при нападении хищников самоотверженно защищают друг друга. Вот, оказывается, где берет начало корни дружбы.

Определенный ранг приобретают не только те животные, что живут стаями. Система соподчинения устанавливается и между соседями. Среди забяк, гнездящихся в одной роше, есть птицы первого, второго, третьего, а иногда и четвертого рангов. Это обнаруживается, когда птицы встречаются на нейтральной территории. В крупном парке Санкт-Петербурга, где летом гнездятся более десяти пар зябликов, птицам трудно утолять жажду. Хотя в парке несколько прудов, но их берега до самой воды заросли высокой травой. Лишь к берегу одного пруда спускается узенькая тропинка. Туда на водопой и слетаются птицы. Когда зяблики встречаются здесь, первой пьет не та птица, которая прилетела раньше других, а та, чей ранг выше.

Многие животные кочуют в смешанных стаях. В африканской саванне вместе пасутся жирафы, зебры, гну и другие антилопы. В таких стадах высшим рангом обладают великаны — жирафы. И зебры, и антилопы беспрекословно уступают им дорогу. Вожаком синичьих стай, с осени до весны кочующих по нашим лесам, часто бывает дятел. Второй ранг имеют большие синицы, на ступень ниже стоят лазоревки, еще ниже — гаички и москочки.

В лесу не найдется такого участка, где бы не было муравейников. Обычно рядом живет по несколько видов этих шестипалых хищников. Среди них всегда существуют виды-доминанты и виды второго и третьего рангов. В молоденьком ельнике чаще всего господствуют муравьи из рода мирмика — красивые и шероховатые. Когда елям исполняется 15 лет, в лесу становится сумрачно и сыро. К этим условиям не все одинаково хорошо приспосабливаются, и происходит смена лидера. Теперь главенствуют черные лесные муравьи, а бывшие доминанты переходят во второй ранг. Остальных муравьев эта перестановка не касается. Бурые лесные, желтые земляные муравьи и муравьи тетраморiums как занимали ранее третий ранг, так и остаются в том же подчиненном положении.

Если в этот лесок перенести несколько гнезд северных лесных муравьев,

они начинают воевать с абorigенами, главным образом с черными садовыми муравьями, и побеждают. Остальных муравьев эти новые перестановки в верхах, как правило, не затрагивают.

Детеныши животных во всем подражают взрослым. Их ранг может определиться еще в младенческом возрасте. Цыплят, выведенных в инкубаторе, держат на птицефабриках в больших общих клетках. Уже со второй недели жизни между петушками начинаются драки и к седьмой определяется их положение. Ранг курочек устанавливается позже, только к девятой неделе.

Завоеванный ранг действителен только для той

Самки мартышек гусаров имеют обыкновение обыскивать шерсть друг друга и детенышей. Это правило служит укреплению отношений в стае.

стаи, где он определился. Если курицу перевести в другой коллектив, ей все придется начинать сначала.

При изменении некоторых условий ранг животных может меняться. Вблизи населенных пунктов нередко кормятся в смешанных стаях вороны, грачи и галки. В таких компаниях высший ранг приобретают крупные птицы: грачи и вороны. Однако, чем ближе к жилью кормится стая, тем увереннее чувствуют себя голуби. На газоне городского сквера они не спускают перед галкой, да и вороне не уступят дороги.

АЙ, МОСЬКА! ЗНАТЬ ОНА СИЛЬНА...

Ранг родителей животных не передается их детям по наследству. Однако самка шимпанзе высокого ранга не позволит другим малышам обижать сво-

его ребенка, и те с раннего детства привыкнут относиться к нему с известным уважением. Это облегчит шимпанзенку завоевание высокого ранга в будущем.

Юные зяблики, только что покинувшие гнездо, поначалу имеют ранг, присущий их родителям и, встречаясь на водопое с другими птицами, семья с низким рангом уступает очередь семье, имеющей более высокий ранг. Зато, когда отдельные семьи зябликов собьются в общую стайку, каждой молодой птице придется потратить немало усилий, чтобы завоевать более высокий ранг.

Самки некоторых животных, «выходя замуж», автоматически получают новый ранг. Осенью и зимой держатся стаями галки. Самцы и самки живут вместе, и каждая птица имеет свой, самостоятельно завоеванный ею ранг. Весной, еще задолго до того, как стает

снег, птицы начинают разбиваться на пары. Ученые пока не знают, как у пернатых возникают взаимные симпатии. Известно лишь одно правило: галка-самец берет себе в жены птицу, имеющую более низкий ранг. Однако если жених, относящийся к высшей касте, заключил брачный союз с самочкой самого низшего ранга, дама сразу уравнивается с супругом, приобретая его высокое положение. Новый статус «замужней» галки неоспоримо признается всеми членами стаи: уважение, которое завоевал глава семьи, распространяется и на его супругу.

Как же решают живот-

В стадах индийских слонов, состоящих из 100 животных и более, главенствующее положение занимает пожилая опытная самка. Самцы, и стар и млад, подчиняются ей.

ные, кто из них будет считаться старшим? Обычно им становится самое сильное, ловкое и умное животное, но, чтобы выяснить это, приходится помериться силами. Два рака-самца, выпущенные в большой аквариум, немножко успокоившись, отправятся его обследовать. В этот момент им не важно, кто из них старше. Они не обращают друг на друга внимания. Встретившись нос к носу, спокойно расходятся или даже переползают друг через друга. Все чинно, благородно! Разве что особенно нервный рак чуть раскроет клешни, мол: «Имей в виду, я начеку, не очень-то толкайся!»

Совсем иначе будут вести себя раки, если на дне аквариума соорудить убежище, куда сможет спрятаться только одно животное. Естественно, занять его получит право животное

более высокого ранга. Тут уж выяснения кто есть кто не избежать. Обычно побеждает более крупный, а значит, и более сильный рак. Впрочем, драки продолжаются недолго. К чему каждый раз выяснять отношения, если уже известно, кто сильнее?

Иногда поединки за обладание высшим рангом, в особенности в брачный период, бывают кровавыми. Случается, что они происходят даже между, казалось бы, совершенно безобидными увальнями, какими кажутся на первый взгляд бегемоты. Меж тем огромная сила и гигантские зубы делают схватки соперников смертельно опасными, и некоторые сражения, длящиеся по несколько часов, кончаются гибелью одного из соперников.

Более миролюбивые бегемоты определяют ранг и решают спор из-за терри-

Гон у волков случается с декабря по март. Около молодых одиночных волчиц собирается группа самцов. Между ними возникают ожесточенные драки, порой со смертельным исходом для более слабых.

тории или из-за невесты мирным, но весьма оригинальным путем. Чтобы решить, кто из соперников должен быть главным, звери останавливаются недалеко друг от друга и начинают бешено крутить своими небольшими, но твердыми, как резиновые дубинки, хвостами, разбрасывая помет на десятки метров. В этом соревновании победителем становится тот самец, содержимое кишечника которого окажется больше.

Некоторые животные умеют завоевывать и поддерживать авторитет среди своих соплеменников, не прибегая к грубой силе. Для этого они стремятся быть постоянно на виду и создают видимость, что являются самыми нужными и незаменимыми членами

коллектива. Петух, порывшись в куче мусора и обнаружив там небольшого червяка, громким квохтаньем созывает кур, и несушки опрометью бегут со всех сторон на его призыв. Червяк, как правило, достается одной из них и, конечно, не может утолить ее голод, ну а все остальные куры вообще остаются «с носом». Петух не может этого не понимать, но обычно продолжает надирать горло, повторяя свои призывы до тех пор, пока червяк не будет съеден. Можно подумать, что это ярко выраженная забота о членах своей стаи. На самом деле, петух переполошил кур лишь для того, чтобы обратить на себя их внимание. Его цель — проявить себя, привлечь внимание несушек к собственной персоне и упрочить среди них свой авторитет. Иными словами — это способ борьбы за высокое социальное положение, за право иметь высокий ранг.

Нередко случается, что высокого ранга достаива-

ются самые нахальные существа. Как-то на одном из петербургских пустырей, где обычно хозяева выгуливали своих собак, стал появляться небольшой задиристый песик, который яростно облаивал, да еще и наскакивал на огромных сенбернаров и догов. Эти выходки ему всегда благополучно сходили с рук, ведь сенбернары — собаки миролюбивые, а доги, гулявшие на том же пустыре, были хорошо воспитанными и не забывали, что кусаться им не разрешали. Собаки-великаны, когда задира им надоедал, просто старались отойти от него подальше, а псы средней величины, те на всякий случай уступали нахалу дорогу, видимо, рассуждая в полном соответствии с логикой знаменитой басни И. А. Крылова: «Ай, Моська! Знать она сильна, коль лает на слона!»

Окончание следует

Б. СЕРГЕЕВ,

доктор биологических наук

РАЗГОВОР С РЯБЧИКОМ

Совсем недалеко от нашего дома начался лес, настоящий уральский лес-тайга. Стоило только перейти по мосту через речку Полазну, а там миновать дуг, как твою дорожку уже обступят со всех сторон красивые стройные елочки.

У самой дорожки елочки были совсем молоденькими, деревцами-крошками, как в сказке про лесных гномов. Чуть дальше от дороги елочки мужали, тянулись вверх и, видимо, очень хотели походить на настоящие таежные елки. Но пока они были только деревцами-юношами, еще не поднялись к самому небу, а потому и не мешали дневному свету тихо опускаться на лесную дорожку.

А там, где к самой тропке подходили ели-старожилы, было не так весело, не так легко, как только что рядом с молодыми деревцами. Здесь тебя сразу окружал сумрак, а вместе с сумраком приходила и настороженная таежная тишина, в которой вот-вот может случиться все самое неожиданное.

Лесная тишина вдруг взорвалась резкими, частыми голосами: «Фрр-р-р... Фрр-р-р... Фрр-р-р...»

Мы с мамой остановились, замерли на

месте и тут же вслед за очередным: «Фрр-р-р-р...» увидели, как впереди нас, прямо с дорожки громко сорвалась и исчезла среди еловых лап большая птица — рябчик.

Конечно, я сразу узнал, кто нас испугал. Да как было мне не узнать эту серенькую, рябенькую птицу, когда в каждой книге о жизни леса были рассказы о ней. Да и манера вести себя при встрече с человеком у рябчиков особенная. Узнав об опасности, они не убежали тут же прочь, не улетали стрелой в чащу, а замирали на месте и, высоко подняв любопытные головы, высматривали нас, будто желали точно убедиться, что тревога на этот раз не ложная. И только потом, когда человек был почти рядом, птицы с шумом разлетались по сторонам.

Но они не улетали далеко, а, взлетев с земли, обычно рассаживались по веткам елок и вытягивали шейки, продолжая высматривать незнакомца.

Если выводок рябчиков не пугать дальше, остановиться и присесть возле какого-нибудь дерева, а там достать свистульку-манок и попробовать попищать, как пищит рябчик-курочка, то очень скоро услышишь в ответ голос молодого рябчика, появившегося на свет только этой весной: «Пи-пи-пии...» Еще раз посвистишь и на этот раз тебе могут откликнуться уже несколько молодых птиц.

Занятное это дело — разговаривать с

выводком рябчиков. До сих пор, отправляясь в лес, не забываю я взять с собой свой давнишний манок на рябчиков. Нет, я не обманываю птиц, не стреляю в них. Я просто недолго переговариваюсь с птицами и иду дальше по своим делам счастливый оттого, что рябчики поверили мне и отозвались.

Такие добрые и открытые встречи с жителями тайги будут у меня потом, а пока я первый раз вижу в лесу живых, настоящих рябчиков и тут же замираю на месте и слушаю, слушаю таежную тишину.

У меня нет пока манка-пищика на рябчиков, и я не могу разговаривать с ними. Чуть постояв, мы с мамой идем дальше, в другое село, чтобы обменять городскую одежду, которая вроде бы и ни к чему здесь, на какие-нибудь продукты. Здесь можно надеть что-то попроще, подешевле, а продукты нам, эвакуированным, очень нужны — ведь у нас нет пока никакого хозяйства, нет даже простых огородных грядок. А впереди долгая, суровая уральская зима. И как дожидаться весны, летнего тепла без своей картошки, капусты, своего лука?

Село, куда идем мы по лесной дорожке, считается богатым. Там, как говорит мне мама, живут староверы-кержаки, люди строгого поведения и очень старательные в работе. Там, если ты захочешь напиться, тебе или совсем откажут в воде, запретят даже подойти к колодцу, или подадут воду в какой-нибудь посуде, из которой сами ни за что пить не будут, чтобы не замарать ничем свою старую чистую веру. И в дом не пустят, а все переговоры мама будет вести с хозяином дома на улице.

Мама уже работает в колхозе и что-то знает о местной жизни. Я слышал, как она рассказывала, что многие кержаки не очень жалуют советскую власть и не любят колхозы. А еще подслушал я, что по нашим лесам скрывается какой-то Ванька-Гуляйка, который не захотел идти воевать против немцев и скрылся в тайге вместе с такими же, как он, дезертирами. И что, вроде бы, этот самый Ванька-Гуляйка как раз и был родом из кержачьего села.

Такой Ванька-Гуляйка действительно был, и многие боялись потому ходить в лес за ягодами и грибами. Этого Ваньку-Гуляйку мы видели с бабушкой совсем близко, когда возвращались из леса. Он был не один. Нам преградили дорогу, но не тронули, отпустили. Только сказали бабушке, чтобы она никому ни слова не обронила об этой встрече. Молчал и я.

Село еще впереди, мы пока в лесу. Еще немного, и перед нами откроется большое овсяное поле, которое тоже надо миновать. Перед самым полем, впереди нас, за поворотом дорожки что-то шелкнуло, будто сломался сучок под тяжелой ногой, а там мы увидели качающиеся еловые ветки справа и слева от дорожки.

Кто это?

Потом мама рассказывала нашей хозяйке, Катерине Сергеевне, что она тогда очень испугалась. Я же не помню, чтобы особый страх посетил меня — больше беспокоил вопрос: «Кто это только что перешел нашу дорогу?»

Лесная дорожка понемногу успокоилась, ветви елок перестали качаться, все стало так, как было, тихо и спокойно. Я попробовал поискать следы того, кто только что был на нашем пути.

Тут надо сказать, что вместе с рыболовными книгами увозил я на Урал, в эвакуацию, и тоненькую книжечку, тоже подаренную мне отцом, «Справочная книжка охотника».

Наверное, мой отец интересовался и охотой, но ни ружья, ни охотничьей собаки у него никогда не было. Были очень красивые открытки, которые я называл охотничьими и которые разрешалось брать из отцовского шкафа. Я с наслаждением рассматривал эти замечательные открытки, где были изображены медведи, волки, глухари, зайцы, лисы. Нет, эти животные все не были добычей охотников. Глухарь на открытке токовал на сосновом суку, медведь напрямую шел через лесное болото, а волк с заснеженного бугра внимательно поглядывал на тусклые огоньки ночной деревушки.

Такой же удивительной была и моя «Справочная книжка охотника». Судите сами: из 70 страниц этой книги только 20 были посвящены ружьям, патронам и правилам охоты. А остальные 50 рассказывали о том, как предсказать погоду по приметам, как определить стороны света без компаса, что и как наблюдать охотнику в лесу, в поле. Здесь были целые программы наблюдений за птицами: их перелетом, гнездованием, линькой. А главное, в этой книжечке были нарисованы и точно описаны следы самых разных животных — от медведя до белки. Словом, это была справочная книжка настоящего следопыта.

Следы животных были нарисованы здесь так точно, что, сравнивая найденный

след с нарисованным, можно было без ошибки сказать, что это, например, лисий; кума шла или рысью, или на галопе, или на карьере. Здесь были изображены следы зайца на тихом ходу, на жировке, во время быстрого бега (гонный след). Я знал теперь совсем точно, какой след остается после того, как заяц сидел на одном месте. Научился различать заячий обман, когда он, желая сбить с толку преследователей, поворачивал обратно и шел точно по своему следу, оставляя на снегу так называемую заячью «двойку». Так что со следами лесных обитателей я уже был немного знаком, а потому и принялся искать на лесной дорожке следы того зверя, который так напугал мою маму.

Мама тянула меня за руку, боясь громко говорить, шепотом требовала, чтобы я оставил свое никому не нужное занятие и сейчас же покинул опасное место.

Мы выбрались из леса и оказались на овсяном поле. Я так и не узнал точно, с кем из обитателей тайги мы чуть было не встретились, но виноватой в этом была не мама, а сухая тропа, на которой следы зверей почти не остаются.

Конечно, будь я тогда уже настоящим следопытом, и на такой тропе отыскал, обязательно отыскал бы если не сам след, то хотя бы след-полоску или след-вмятинку от большого медвежьего когтя. А в том, что это был медведь, я тогда никак не сомневался.

В этой догадке поддержала нас и хозяйка, Катерина Сергеевна. Она выслушала рассказ моей мамы, а затем, приняв и мои объяснения, согласилась, что скорей всего это был медведь, ибо рядом зрел овес, до которого этот таежный зверь большущий охотник.

Уже потом знакомые таежные охотники в один голос утверждали, что на овсах медведь жиреет, набирает силу перед зимой, спячкой, и что без такого осеннего пиршества на овсяном поле медведь может долго не ложиться в берлогу. Такой, не набравший к зиме жиру зверь, может стать опасным и для человека.

На следующий день после таинственной встречи на лесной дорожке с утра пораньше наведаясь я к нашему соседу, мастеру-столяру, который еще совсем недавно был известным охотником и удачно промышлял в тайге.

На этот раз я начал с рассказа о медведе, который чуть было не столкнулся со мной и мамой на лесной дорожке.

Старый охотник выслушал меня, не сказал ни да, ни нет — мол, медведь это или не медведь, а вот когда я рассказал ему о встрече с рябчиками, оживился, полез по каким-то ящичкам, порылся там и протянул мне небольшую коротенькую костяную трубочку.

Она оказалась как раз манком на рябчиков. Мой старший друг показал мне, как надо посвистывать рябчиком-курочкой, послушал, как я запомнил урок, а затем посоветовал: «Пойдешь другой раз в лес, посвисти рябчиком — может, и откликнется...»

Весь оставшийся день я изводил бабушку, а потом и маму, вернувшуюся с работы, своим свистом-писком. Пораньше улегся в постель, чтобы поскорей пришло следующее утро.

На это утро у меня были большие и, конечно, тайные от домашних планы. Дождавшись, когда мама уйдет на работу, я, сказав бабушке, что снова пойду в гости к старику-соседу, выбрался из дома и, стараясь быть незамеченным, улизнул из села.

И вот я уже в лесу. Вот вчерашние елочки-малыши, далее елочек стало побольше, они стали повыше. Впереди ели-старожи-

лы, возле которых встретился нам выводок рябых птичек.

Не могу вспомнить сейчас, правильно или нет подманивал я тогда рябчиков. Скорей всего сильно фальшивил, а потому лесные петушки и курочки никак не откликались. А может быть, тот самый выводок, который встретился нам вчера, куда-то переместился, улетел в другую сторону. Словом, лес молчал — я продолжал

попискивать, выдавая себя за рябчика-курочку, но мне никто не отвечал.

Наверное, прошло уже много времени и мне пора было возвращаться домой. Я оставил манок и только собрался сорвать гриб-боровик, как на лесной дорожке, совсем недалеко от меня, увидел я большого рыже-серого зверя. Он был выше любой нашей деревенской собаки, но такой же худощавый, поджарый, как наши псы.

Я не успел как следует рассмотреть его, как он тихо скрылся в еловых зарослях. Запомнил только хвост — короткий, торчащий небольшим обручком, совсем не похожий на хвост собаки и волка.

Незнакомый зверь исчез в еловых зарослях, но вслед за ним еще долго покачивалась большая еловая лапа.

Уж как я выбрался из леса, как простился со своей лесной дорожкой, не помню — помню только, что будто бы долго пятился назад и лишь, расставшись с клочками, обступавшими лесную дорожку, повернулся и кинулся прочь.

К счастью, дома мой поход никто не

обнаружил. Хоть и хотелось мне поспрашивать Катерину Сергеевну, что за зверь встретился мне, но я не выдал себя и, дождавшись нового утра, побежал за ответами на вопросы к соседу, старику-столяру, который вчера подарил мне манок на рябчиков.

А дальше, дождавшись, когда я еще раз переживу свои вчерашние страхи, мой старший друг, мой второй дедущка, поведал мне об этом серьезном звере, что знал сам, что видел и слышал от других охотников.

— Рысь — не медведь. Медведь, когда его не обижаешь, обходит человека. На скотину вот нападает, а человека обходит. А рысь, как всякая кошка, — не знаешь, что у нее на уме. Другой раз узнает, что человек близко, прочь бежит. А было такое, когда рысь ни за что человека убила. Шел тот по лесу, а она прыг на него, и конец. Видимо, за добычу приняла. Я за рысью по тайге раньше ходил и все время оглядывался, как бы она меня не обманула. Идешь по следу, а она забежит сбоку, заберется на дерево, растянется на суку так, что ее и не видно, и ждет. А что ждет: то ли желает убедиться, что ты ее не заметил, то ли ждет, чтобы тебя наказать. Вот, милый человек, какой зверь тебя и в этот, и в прошлый раз напугал. И в первый раз скорей всего не медведь вам с матушкой дорогу перешел, а все та же лесная кошка. Так что ты больше уже один рябцов вывистывать в лес не ходи.

Продолжение следует

НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ

А чертовых малюток в лесу хоть отбавляй... Ранней весной — это сморчки и строчки. Их относят к условно съедобным грибам, то есть к таким, от ядов которых можно избавиться полностью или частично кулинарной обработкой. Из сморчков и строчков токсины удаляются при отваривании в течение 15–20 минут, с последующей тщательной промывкой в воде. Ту воду, в которой варились грибы, необходимо вылить так, чтобы никто не мог на таком «бульоне» сварить суп.

Издавна существовало убеждение, что яд этих грибов — гельвелловая кислота (по латинскому названию строчков — Гельвелла эскулента).

Сравнительно недавно было доказано, что гельвелловой кислоты не существует в природе, и она является одним из токсикологических курьезов. За нее принимали смесь различных органических кислот, содержащихся в представителях семейства гельвелловых.

В плодовых телах строчков и некоторых гельвелл

Строчок.

был обнаружен токсин гиromетрин, содержание которого может достигать 1,7 грамма на килограмм сырых грибов. По характеру действия гиromетрин напоминает токсины бледной поганки. Он не разрушается при кипячении, но при длительной сушке на воздухе теряет токсичность. Однако от сушки строчки не становятся безопасными — часть токсина в них остается.

В различных популяци-

Свинушка тонкая.

Есть гриб, токсин которого по продолжительности скрытого периода действия превосходит токсины бледной поганки. Это — паутинник оранжево-красный. Исследования химического состава этого гриба были начаты после того, как в Польше в 1952–1955 и 1957 годах им отравились 130 человек (из них умерли 19).

Паутинник не имеет съедобных двойников и внешне выглядит так: шляпка до 8 сантиметров в диаметре, ярко-оранжевая, иногда красноватая, со слегка войлочной поверхностью или с тонкими темными волокнами. Пластинки оранжево-охряные или оранжево-ржавые с апельсиново-красным оттенком. Ножка

ях строчков содержание гиromетрина колеблется от смертельных доз до практически безвредных. Этим объясняется то, что те любители строчков, которые каждую весну лакомятся ими, вываренными и тушеными в сметане, и не отравляются, к счастью, собирают грибы с малым содержанием гиromетрина. Есть наблюдение: наибольшее количество токсина вырабатывается у строчков, растущих во влажном климате и на достаточно богатых почвах.

Прежде к этому же семейству относили представителей вновь образованного семейства сморчковых. Сморчки очень похожи на строчки, они не ядовиты, но тем не менее их очень трудно отличить от строчков. Поэтому их рекомендуется отваривать или долго сушить.

Сморчок конический.

Сморчковая шапочка.

сужена к основанию, желтоватая, у старых грибов — сероватая. Мякоть плодового тела со слабым запахом редьки. У молодых грибов имеется паутинистое покрывало.

В последние годы появились случаи отравления всем нам знакомыми свинушками. Их токсины накапливаются в организме постепенно и симптомы отравления появляются после многократного употребления. Свинушки более других грибов концентрируют в своих телах соли тяжелых металлов, в частности — свинца.

Невозможно перечислить все ядовитые, условно-съедобные и несъедобные грибы. На территории Европы

Паутинник оранжево-красный.

их встречается около 100 видов. Есть золотое правило грибника: никогда не брать сомнительных или незнакомых грибов. По описаниям или даже по очень хорошим цветным рисункам или фотографиям не всегда можно легко сориентироваться.

Тут может получиться, как в сказке латвийского поэта Карлиса Скалбе «Любитель собирать грибы». Герой сказки — король любил мудрую и безупречную природу. Но природа обманывала короля на каждом шагу. Он ходил по грибы с толстой книгой в руках, смотрел сквозь золотые очки на картинку, где в натуральных красках был изображен боровик — гриб королей. В корзину он собирал толстые, похожие на него... поганки.

В. АСТАХОВА
Фото Р. Воронова

УГРЮМЫЙ БРЮЗГА

Именно так назвал эколог-писатель некое водное существо, невеликое по размерам. Заняв себе норку в мягкой грязи у кромки берега и закрыв вход своим «естественным оружием», оно терпеть не может бесцеремонных посетителей. Впрочем, кому же они по душе? Для рукопашного боя оно использует... ноги. А мы уже теряемся в догадках: что за таинственный каратист? Подсказываю: его клешни — это пара ног, недаром их отряд относят к десятиногим, и потому пар у них всего пять. Наверное, неосмотрительно схвативший его человек, ойкнув от боли... придумал ножницы! Кроме сво-

их ножниц, он пользуется и особой «подзорной трубой» — может выдвинуть свои глаза-стебельки. Конечно, вы его уже узнали — речной рак!

Он мог бы похвастаться обширным фольклором о себе: легенды, сказки, поговорки, пословицы, басни. Древние мудрецы посвятили ему знак Зодиака — от 21 июня до 21 июля. Согласно гороскопу, люди, родившиеся в этот период, наделены массой доблестей и достоинств: восприимчивость, сочувствие, впечатлительность, хорошая память, наблюдательность, чувство юмора, любовь к природе, бескорыстие, мужество.

Среди «раков» — математик Лейбниц, философ Жан-Жак Руссо; из писателей и поэтов — Петрарка, Державин, Маяковский, Сент-Экзюпери.

Баснописец Иван Андреевич Крылов включил этот персонаж в свою троицу, в которой «согласья нет». Если помните, «рак пятится назад, а щука тянет в воду». В августе у народов Скандинавии озорники устраивают «раковые» игрища с песнями и карнавалами. Согласно шутливому представлению, на пиру полагается ходить задом наперед и песни петь с конца, ибо считается, что ракам свойственно пятиться.

На самом деле, если мы понаблюдаем за живым раком, то заметим, что он все-таки «ходит» нормально, как и все мы, только иногда, испугавшись, хлопает по воде хвостом-веером, и некоторое время действительно двигается назад, наподобие креветки, пока не погрузится на дно. А другой наш писатель Виталий Бианки посвятил ему целое жизнеописание о приключениях рака. Если помните, он, свалившись с плиты, когда принялись варить раков, чудом спасся. Более века тому назад одна из самых передовых стран в природоохранном движении — Швейцария — приняла закон о жестоком обращении с животными, указав на неприемлемость варки раков в кипятке. Любители раков навряд ли согласятся с этим — так, писатель С. Т. Аксаков утверждал, что «хотя рак ни рыба, ни мясо, но лучше и того, и другого».

Словом, человек с ним поступает жестоко — быстрое превращение из серо-зеленого в ярко-красного, и вот он уже уложен на блюде, радуя глаз гурмана, украшенный петрушкой. Это превращение связано со стойким пигментом — природным красителем. Он называется «астаксантином», а сам рак называется «астаксом». Краситель образует сине-зеленые и бурые тона, связанные с белками — как бы «регулируя» их. Поэтому живой рак серо-зеленый — впрочем, есть раки песчаные, светлых тонов; есть черные, будто чумазы. Окраску зачастую определяет грунт.

Раколовы в качестве приманки используют мясо или рыбу «с душиком»: действительно, раки охотно собираются на такую приманку и наползают в рачни. Кормятся они лишь малоподвижной водной живностью, от рождения до «юношества» признают только «вегетарианский» стол, а с октября до апреля вообще постятся. Правда, патриарх зоологии Альфред Брем писал о раках так: «Они даже иногда подстерегают в своей норе водяную крысу, которую держат под водой до тех пор, пока та не задохнется, а затем с наслаждением съедают ее». Но тем не менее человек не обращает никакого внимания на предубежденность — валовый улов ракообразных в Мировом океане

превышает в 3—4 раза улов лососевых.

Конечно, трудно убедить людей, чтобы они вообще не ловили раков, — сломать пищевые традиции чрезвычайно трудно. Но есть немало видов ракообразных, которые занесены в Красные книги своих государств. Это относится и к широкопалому раку в Беларуси. Здесь еще до войны их вылов составлял 200 центнеров, а уже в 50-е годы он снизился в 10 раз. Дело в том, что широкопалого рака вытесняет опасный конкурент — узкопалый, более устойчивый (хотя бы к содержанию кислорода) и более плодовитый. Стоит выпустить несколько чужаков в пруд, заселенный исключительно широкопалыми, через 20—30 лет соотношение

их резко изменяется в пользу узкопалых. Потому не путайте этих близких родственников — широкопалый рак подлежит охране, лов его запрещен и он занесен в III категорию Красной книги Беларуси. Категория эта означает, что это редкий вид, которому еще не грозит исчезновение, но который может исчезнуть при неблагоприятных обстоятельствах. Это пока что не распространяется на узкопалого рака. В соседней Литве этого редкого рака пытаются даже разводить. Одно из таких «неблагоприятных» обстоятельств — настоящий «рачий мор», в конце прошлого века он прокатился по всей Западной Европе, Центральной Рос-

сии и Сибири. Болезнь поразила всех раков...

Вот какие неприятности угрожают «широкой клешне»: водоемы загрязнены бытовыми стоками, смытыми с минеральных удобрений. В Баку еще школьником я наблюдал мгновенное исчезновение речного рака и неожиданное его возрождение. Узкопалый рак был всегда в изобилии в относительно опресненном Каспии, как только началось морское бурение и ураганное загрязнение «Моря Хвалынского», раков на западном берегу не стало. Зато они сохранились на восточном и южном берегах — в Туркменистане и Иране, где масштабы загрязнения были куда меньше. И вдруг, спустя лет

20, вездесущие мальчишки принесли новость — в затопленных карьерах города появились пресноводные раки. Вначале к этой новости отнеслись с опаской из санитарных соображений — все-таки открытый южный водоем в центре города!

Как они появились в местности, отделенной знойной полупустыней от мелких речушек низинных лесов (не менее 200 километров!), так и осталось тайной. Этот интересный факт нагляден: пресноводные раки — индикаторы чистых, незагрязненных вод. Однако раки заставляют поразмыслить и зоографов. В Африке раков нет совершенно, но есть близкие виды на Мадагаскаре и в Амери-

ке. Нет их и в Азии, не считая Турции, Ирака, Кореи и Японии. А вот в Австралии и Тасмании есть! На этом острове живет исполин пресноводных раков — рак Гульда: длиной 60 сантиметров и до 4 килограммов весом. Уверяют, что один такой рекордсмен, пойманный в 1934 году, был 73,6 сантиметра длиной и 6,35 килограмма весом.

Люди науки давно приглядывались к ним: так, Рене Антуан Реомюр, изобретатель ныне устаревшей температурной шкалы, в 1712 году наблюдал, как в садке рак вылез из своих доспехов. А на дне водоема он пытался укрыться в спасительное убежище. Полинявшим раком, а он в этот период беззащитен и уязвим, охотно лакомятся все, кому не лень. Летом в их желудках находят по две крупных известковых пластинки толщиной с полсантиметра, так называемые «рачьи камни» — отложения из углекислой и фосфорнокислой

известки. Они нужны раку для образования новых покровов.

А знаете, что у раков есть «правши» и «левши» — его гигантскому родственнику омару свойственно распределение труда: одна клешня его дробящая, другая — режущая.

Рак любит выставлять свои клешни и размахивать ими, а его враги иногда их откусывают. Что остается делать? Отрастить другую клешню! Новые «ножницы» растут 3—4 года, у самцов, часто линяющих, — полтора-два года.

Брюшко рака, «раковая шейка», служит не только для услады гурманов — рачиха, как настоящая заботливая мать, держит под хвостом свое потомство. В канун Нового года, ночью она откладывает от 60 до 600 яиц и вынашивает их около полугода. Те, кто ловил раков, вероятно, находили и икру, и малюсеньких рачков, копошащихся под «шейкой». Они цепляются за материнский

хвост тонкими клешнями-ножками. Спустя 10 дней после рождения у рачат происходит первая линька — теперь они ведут себя независимо, но в случае чего удирают по привычке под мамин хвост. Через две недели они вновь линяют и прощаются с «родным домом», живут самостоятельно в трещинах камней и в водорослях, ими же питаются. В первый год у них рождается целых 8 линек.

Речной рак долгожитель — его век до 20 лет, если его жизнь не прервет болезнь, химические отходы или хищники. Да и человек вносит свою «лепту» в мир речного рака. Но на то мы и называемся «разумными». Если в ваш садок попался рак, внимательно гляньте на его широкие клешни и бросьте его обратно в спасительный водоем! Рак, конечно, не сумеет отблагодарить вас — разве что поклонится, попятившись назад хвостом.

А. ЧЕГОДАЕВ
Фото С. Буданова

Нет, пожалуй, в году еще такого месяца как апрель, где одно событие в природе следует за другим с необыкновенной быстротой.

Каждый день узнаешь свежие новости. То новая бабочка, которую еще не видел в эту весну, усядется на ствол дерева и расправит крылья навстречу солнечным лучам. То зацветет еще какой-нибудь весенний цветок. Даже в городе то и дело запрокидываешь голову, стараясь разглядеть в синеве, что за птица, спеша в родные места, подала голос. И радуешься, видя, как все больше набухают почки на тополях, вот-вот готовые лопнуть.

А сколько событий останется незамеченными в городской суете. Пропустишь несколько дней, вырвешься, наконец, за город, а там уже все по-новому...

Где недавно темнели небольшие проталины, теперь чернеют целые поля. Важные грачи огромными стаями бродят по оттаявшей земле, ковыряя жирную почву. А над ними звенят голоса жаворонков.

Река, принимая в себя все новые потоки, взломала лед, вышла из берегов, затопила знакомый пляж, куда летом бегали купаться, и хлынула дальше. Там, где летом сажают капусту да свеклу, теперь плещется вода и чайки белыми хлопьями носятся над водной гладью.

Белые трясогузки тут как тут. Какой же ледоход без этих ранних пичуг! Вслед за грачами, скворцами да

жаворонками появились они и как раз успели к разливу реки. Вот теперь перелетают со льдины на льдину, перекликаясь звонкими голосами. Другая стайка этих птичек расположилась у самого края воды.

Быстро пролетели две недели. Лед уже растаял, лишь отдельные льдины, застрявшие на мелководье, умирали на берегу. Ключья желто-бурого плавника, повиснув на ветвях прибрежного тальника, напоминают, до какого уровня еще недавно доходила вода. На склонах, усеянных желтыми огоньками мать-и-мачехи, подсыхает земля.

Продолжают прибывать все новые певцы, включаясь в многоголосый весенний хор. А те, что прилетели в начале месяца, уже подыскивают места для гнезд.

Белая трясогузка в яркой черной шапочке на голове

и с роскошной бархатно-черной манишкой уже неоднократно появлялась возле нашего дома. Раньше она лишь бегала по оттаявшим грядкам, собирая выползших на поверхность букашек. Теперь все чаще вертится возле сарая. То взлетит на крышу и, быстро семеня тонкими ножками, словно катается по старому железу, то перелетит на поленицу дров и заглядывает во все щели.

Чувствуется, что это неспроста. Должно быть, деревянный сарай приглянулся самцу трясогузки для гнезда. Вскоре появилась и самочка. Она чуть потусклее. Темная шапочка на голове не такая яркая, с серым оттенком. Манишка на груди поменьше, чем у самца. Где же птицы начнут строить гнездо?

Трясогузки, что остались вблизи реки или прельстились опушкой леса, найдут

Желтая трясогузка.

Желтоголовая трясогузка.

подходящее местечко меж корней деревьев или устроят жилище меж свай под мостом. А возможно, отыщут выгнившее у комля дерево и поселятся в широком дупле. Сгодится для гнезда и куча камней, убранных с поля. Или углубление в почве на склоне оврага. Но очень многие трясогузки, вроде нашей парочки, предпочитают сидеть ближе к человеку. Тут, конечно, есть свои неудобства и даже опасности вроде домашних кошек. Да и от людей лишнее беспокойство. Но в деревенских постройках всегда можно найти удобный уголок для гнезда. И с кормом здесь всегда благополучно. Особенно, если на дворе держат скотину. Ведь возле коров и лошадей постоянно крутятся слепни и другие кровососы. Их можно хватать, даже присаживаясь на спины животных. А у свиных корыт или собачьих кормушек собирается много мух. И если скотины на дворе нет, то уж пищевые отбросы возле человеческого жилья всегда найдутся... Так что с пропитанием для птенцов трудностей не будет.

Когда в саду появлялся другой самец, наш обращал на него мало внимания. Но стоило тому приблизиться к правому переднему углу крыши, владелец территории подлетал к нему и, глядя на противника, принимал угрожающую позу.

Как-то я заметил, что птички стали носить в клювах сухие травинки, размочаленные стебельки и тонкие корешки. Набрав полный клюв строительного материала, птички подлетают к сараю и протискиваются в щель между крышей и дощатой стеной. Там, внутри сарая, в тишине и

сухости, куда не проникает ветер и не попадает дождь, птички строят гнездо. Судьба этого выводка складывается удачно и в разгар лета молодые птенцы уже начнут бегать по дорожкам и пытаться самостоятельно ловить стрекоз.

Наблюдая сценки из жизни трясогузок, я думал о том, что даже в наиболее крупных и полных книгах по птицам, где подробно разбираются все периоды жизни пернатых, о брачном поведении птиц и о поведении во время пролета, поисков и поедания пищи во время ночевки, о брачных ритуалах, сказано очень мало.

Сейчас этот пробел восполняется. Появились работы, в которых этологи стараются как можно лучше изучить поведение птиц. Наиболее хорошо изучены охотничьи и хищные птицы. Но до сих пор вы найдёте мало фотографий или рисунков птиц в движении и разнообразных позах. Все это еще предстоит изучить.

Желтые трясогузки возвращаются в места гнездования значительно позже своих белых родственниц. Это происходит, когда апрель перевалит за середину. К этому времени уже оттаят болота. А белые трясогузки вот-вот начнут подыскивать места для гнезд.

В средней полосе иногда можно увидеть еще одну трясогузку — желтоголовую. На первый взгляд она очень похожа на плиску. Но приглядевшись, замечаешь, что у птички не только грудка и живот, но и вся голова ярко-желтые. Спинка не оливково-зеленая, а черноватая. Обычно она только пролетает через нашу область, и то лишь в очень небольшом количестве. Основные места гнездования желтоголовых трясогузок — тундровые болота. Там я видел гнезда этих птиц, ловко устроенные в торфяных кочках. В последнее время эти птицы начали гнездиться и у нас.

В. ГУДКОВ
Рис. автора

Трассу ЧОЛ.Я сип Чамизация

Многочисленны и многолики пахучие вещества (их называют еще феромонами), выделяемые живыми организмами. И не только животными. Феромоны обнаружены у водорослей, грибов, высших растений.

При помощи феромонов запахов идет непрерывающееся ни на минуту тонкое и очень действенное общение между особями одного и других видов животных и растений. Язык запахов — древний, а может, древнейший, он чрезвычайно насыщен разнообразной полезной информацией.

ДОРОГАЯ! ОТЗОВИСЬ!

Запах любви

У насекомых половой феромон выделяет обычно самка. Существует гипотеза, что он тянется за ней в виде многослойного пахучего облака. А самцы своими папоротникообразными усиками пытливо приносятся к сложной композиции ароматов, извлекая из нее значимую для себя информацию: где источник дивного коктейля, то бишь, самочка, как к ней добратся?

Статистика такова. Самец шелкопряда-монашен-

ки находит невесту на расстоянии 200—300 метров, непарный шелкопряд чует суженую за 4 километра, а большому ночному павлиньему глазу и 9 километров, отделяющих его от возлюбленной, не помеха!

Слои в пироге-облаке пахнут по-разному, и добросовестно читываясь носами в пахучий текст любовного письма, усатые кавалеры вынуждены плутать — лететь на свидание с нарядной дамой весьма непростыми зигзагами...

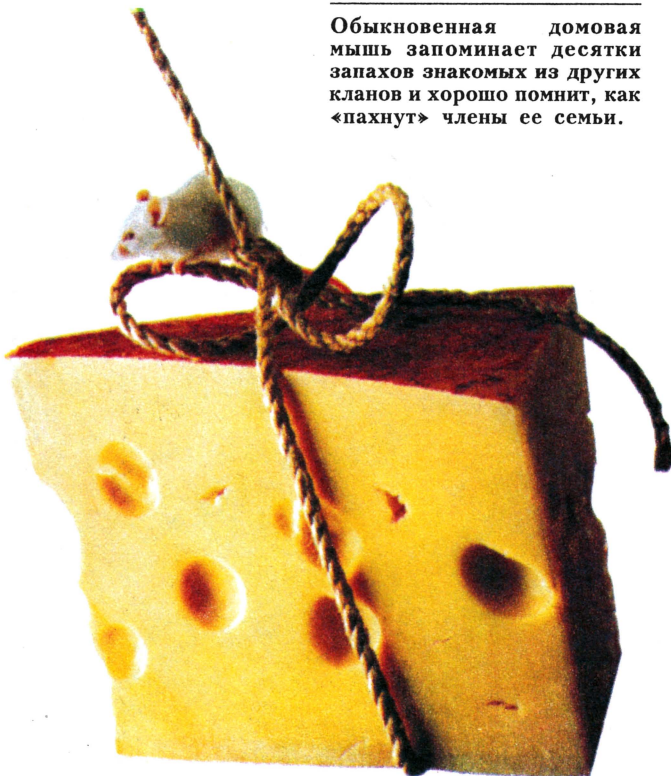
МЫШИНЫЕ НЮАНСЫ

Запах родства

Богата феромонная память у нашей обыкновенной домовой мыши. Грызун запоминает запахи десятков знакомых из других кланов и хорошо помнит, как пахнут члены его семьи. Родственник он ведь и пахнет по-родственному!

У каждой группы мышей свой запах, и самка одной группы никогда не станет

Обыкновенная домовая мышь запоминает десятки запахов знакомых из других кланов и хорошо помнит, как «пахнут» члены ее семьи.

Своими папоротникообразными усиками самец ночной бабочки хохлатки быстро уловит ароматы невесты.

спариваться с самцом из другой. Даже еще диковиннее — если мышка в положении попала в клетку к чужому самцу, у нее прерывается беременность от одного только запаха чужака!

ДАМЫ УВЯДАЮТ БЕЗ ПОКЛОННИКОВ

Запах владычества

Еще один важный закон муравейника гласит: «Царица (она же самка, она же матка муравейника) не

должна отлучаться из дворца, то бишь из муравейника, более чем на 30 минут. В противном случае за ее привлекательность, а следовательно, и благополучную жизнь в муравьином доме не дадут и ломаного гроша».

А дело здесь вот в чем. Царица выделяет «аппетитный», притягивающий к ней слуг — рабочих муравьев, феромон только в ответ на их присутствие. Если же свиты рядом нет, феромон перестает выделяться. А без запаха муравьиная царица — что кавалерист без коня!

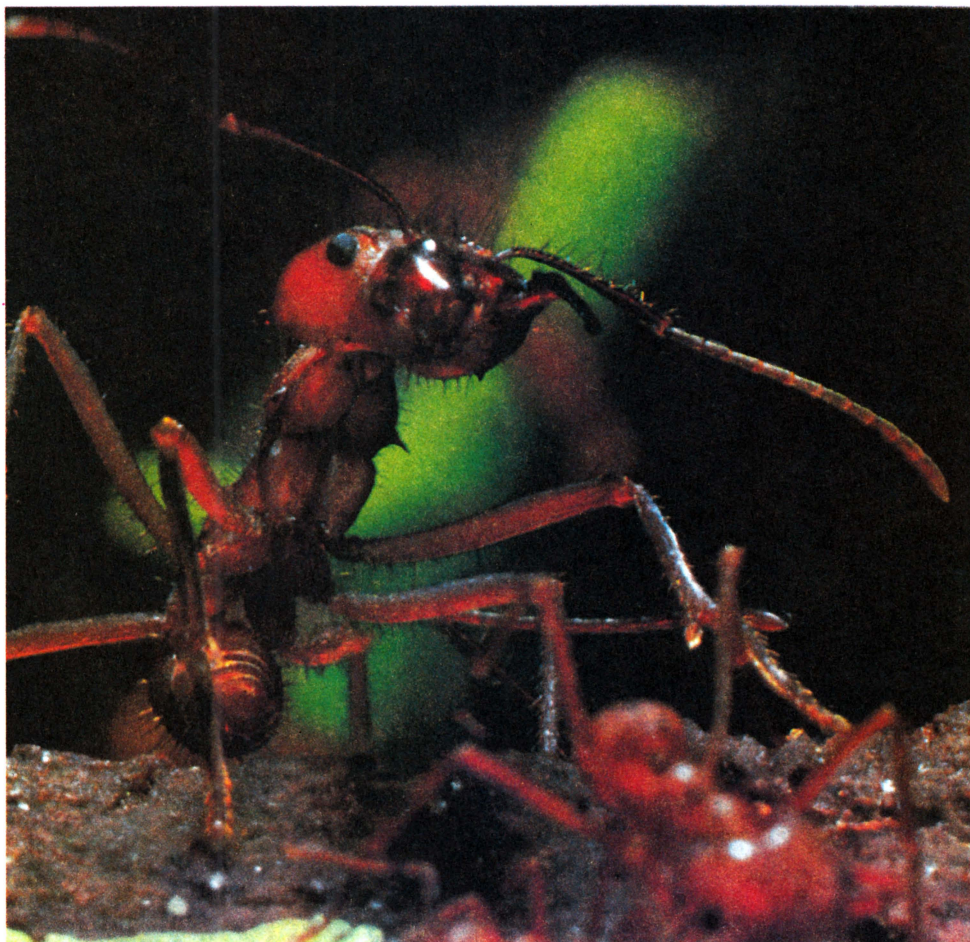
ЖИВОЙ И МЕРТВОЙ ВОДОЮ

Запахи жизни и смерти

Не забыли еще сказку чудную? Искупали добра молодца сначала в мертвой воде, а затем в живой...

Нечто похожее происходит и в муравейнике. Есть здесь запахи-обманщики,

Если муравей ненароком вымазался пахучим веществом умершего собрата, родственники тут же определяют замарашку «на кладбище» и «похоронят».

Вонзившись в кожу врага, пчелиное жало издает запах бананового масла, который призывает на помощь сородичей.

они нас запросто могут сбить с толку, перепутать нам все карты, могут долго водить нас за нос.

Вот, скажем, умер уже муравей, но пахнет еще как живой, и собратья обращаются с ним как с живым. И, наоборот, если живой муравей вымажется ненароком трупным веществом, его быстренько определяют на «кладбище» — свалят преспокойно в ближайшую кучу мусора. А попробуй он вернуться в муравейник — его опять «похоронят»!

Так что жди теперь, когда улечит досадный запах, а это происходит не всегда скоро.

ЧЕРНАЯ МЕТКА ПЧЕЛИНОЙ ЯРОСТИ

Запах тревоги

Помните этот волнующий момент из бессмертной книги Роберта Льюиса Стивенсона?

В приморский трактир «Адмирал Бенбоу» входит слепой нищий и кладет в

руку капитана черную метку. Зловещий знак того, что человек отныне помечен.

Сердце замирало в ужасе, когда, увлеченные загадочными перипетиями сю-

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Дорогие друзья!

Апрельское солнышко манит на улицу. Не забудьте во время прогулки заглянуть на почту. Подписка на второе полугодие принимается в любом отделении связи. Индекс «Юного натуралиста» неизменен — 71121.

Надеемся на вашу поддержку. С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями

РЕДАКЦИЯ

жета, мы доходили в «Острове сокровищ» до этого места. Но если дело происходило в деревне и на завтра предстояло отправиться к дедушке на пасеку, пиратская черная метка приобретала пророческий смысл...

Кого хотя бы однажды не жалила пчела? Кто не разглядывал место укуса, обнаруживая в коже копыце пчелиного жала, оторванное вместе с жалящим аппаратом насекомого?

Двенадцать (!) направленных остриями назад зубцов, что украшают это орудие пчелиной ярости, не позволяют крылатой ама-

Встретив врага, скунс поворачивается к нему задом и выстреливает струей зловонной жидкости.

зонке вытащить жало обратно из кожи жертвы, и отважная воительница вынуждена погибнуть. Но смерть ее отнюдь не напрасна! И дело даже не в том, что яд пчелы еще какое-то время продолжает поступать в тело жертвы, хотя это тоже немаловажно. Главное — в другом. Животное, с умыслом или по неосторожности забредшее в пчелиные владения, становится помеченным феромоном тревоги. Пахучий сигнал исходит от жала, оставленного в коже посетителя, и напоминает запах бананового масла. Едва учув этот запах, другие пчелы незамедлительно бросаются на непрошеного гостя и новыми ударами ядовитого оружия обращают его в паническое бегство!

ЧЕМПИОНЫ ПО ЗЛОВОНИЮ

Запах защиты

Есть пятнистые, есть полосатые скунсы, все — одинаково «душистые». Встретив врага, животное поворачивается к нему задом и выстреливает струю на редкость зловонной жидкости. Ни зверь, ни человек не могут вынести скунсового «букета» — стремительно убегают! Вот так при помощи запаха этот родственник рачительного барсука защищает свою жизнь.

А помимо скунса, к самым дурно пахнущим зверям относятся полосатая гиена, домовая многозубка.

Ю. КРАСНОЩЕКОВ

Рис. В. Бухарева

Здравствуйтесь, ребята!

Давайте-ка для начала познакомимся с письмом Тани Поповой из Ульяновска. А пишет Таня о том, что вместе с братом они наблюдали за поведением сурков в степи. Бегая в поисках подходящей травки для еды, взрослые сурки и сурчата громко перекликались, аукались. Со всех сторон слышались их звонкие голоса: «Хру-уить, хру-уить, хру-уить, хру-уить». «Я подумала, — вспоминает Таня, — что сурки — беспечные разини и совершенно не беспокоятся о том, что их могут услышать хищники. Но мой брат Гриша сказал, что это неверно. Сурки всегда на чеку! И всегда выставляют часовых для охраны колонии. В бинокль мы с Гришей разыскали охранника. Он неподвижно стоял у норы на маленьком холмике, называемом бутаном. Мне показалось, что дежурный сурок очень зорко следил за всем происходящим вокруг. Вдруг он пронзительно засвистел. Тревога! В небе коршун! Сигнал часового услышал каждый сурок — и в один миг все звери исчезли, спрятались в норах. Наступила тишина. Коршун покружился, покружился и улетел ни с чем. И я хочу спросить: как же другие звери сообщают друг другу об опасности?»

Каждому виду животных присущ особый голос. Кто свистит, кто жужжит, кто воет, кто квакает. Язык насекомого, зверя или птицы краток и прост, но соплеменники хорошо понимают друг друга, особенно если голос подает представитель семьи. Так, например, мама-шимпанзе на значительном расстоянии слышит плач именно своего детеныша, не путая его с чужим. Стараясь привлечь к себе внимание, животное довольно часто сопровождает свое жужжание или мычание характерными движениями лап, крыльев, а то и всего туловища. О том, как это происходит, рассказывает Михаил Михайлович Филонов.

О ЯЗЫКЕ ЖИВОТНЫХ

Весной земля пробуждается для жизни. Наступает сезон любви, время, когда представители каждого вида животных отправляют друг другу лихорадочные призывы. Воздух наполнен голосами, песнями, переменчивым светом, нежными ароматами. Наряду с этими, уловимыми для нас сигналами, в природе имеется бесконечная гамма сообщений, которые ускользают из нашей ограниченной системы чувств. Поэтому они долгое время были незнакомы человеку.

Благодаря последним открытиям семантики, науке о языке животных, эти послания стали понятнее. Сигналы, которыми живые организмы обмениваются, обладают весьма разнообразным естеством: химическими, ультразвуковыми превращениями, изменениями цветовой гаммы, формы, объема животного, его поведения.

Неопытному уху концерт сверчка покажется монотонным скрипом. Достаточно прогуляться по поляне летом — со всех сторон звучит одинаковая серенада. Заблуждение! Ученые установили, что у каждого из этих маленьких виртуозов — а специалисты различают три тысячи видов сверчков! — свой собственный репертуар: любовный зов, ухаживание, объявление войны. Продолжительные исследования раскрыли неожиданную атмосферу козней, интриг, на которые способны эти насекомые. Песню сверчка слышат, перехватывают не только самки, но и агрессивные соперники, и проголодавшиеся особи, и опасные паразиты. Поэтому некоторые сверчки-самцы — ученые называют их тихими спутниками — прибегают к обману

во время любовных походов: они остаются немые. Спрятавшись на территории поющего соперника, хитрец стремится завладеть клюнувшей на пение самкой, прежде чем прибудет тот, кто позвал ее в гости. Этим хитрым молчанием тихий спутник увеличивает свой шанс остаться в живых при появлении хищника. Тот не обнаружит молчащую добычу так быстро и легко, как незадачливого поющего влюбленного.

Летом на лесных полянах по ночам загораются мерцающие огоньки. Светятся они доли секунды и гаснут, чтобы через мгновение снова загореться. Это любовные сигналы самок светлячков, которые отвечают на зов самцов. У каждого из двух тысяч видов светлячков свой собственный язык, характерный ритмами мерцания огоньков, интенсивностью, продолжительностью. Тот, кто не приспособился к многообразным правилам языка, кто отвечает, например, чересчур медленно или слишком быстро, исключается из любовной игры.

Важную роль играет световой язык и у других видов животных. Например, странные светящиеся пятна, которые появляются иногда на крыльях некоторых бабочек или на теле гусениц, по мнению ученых, не что иное, как предупреждение о затаившемся враге.

Есть и другой вид предупреждающих сигналов. Они предназначаются для врага и должны звучать как угроза. Подобным блефом, обманом особенно часто пользуется рыба-луна. Когда она хочет спастись от хищника, то вбирает в себя воду

и воздух и раздувается, как шар. Диодонты применяют еще более убедительный трюк. Рыба покрыта обычно плотно прилегающими к телу шипами. Во время опасности шипы выпрямляются, рыба, вобравшая в себя воздух, разом ошетиливается. Раздуваясь, диодонт словно говорит: «Попробуй, проглотить меня, и я прокалю тебя насквозь».

Подобно поведению и некоторых гусениц. В случае опасности личинка бабочки гарпии извивается, показывая врагу свою страшную физиономию. Маленькая гусеничка в глазах противника в одно мгновение становится похожей на опасную желто-черную змею.

Многие ребята слышали или читали о зловещем вое волков. Эти странные звуки несут целый набор посланий, ответов, сигналов. Сопоставляя различные звукограммы волчьего воя, специалисты пришли к выводу, что у каждого волка собственный голос, причем каждая новая тональность звука говорит о чем-нибудь. По голосу волки издали узнают друг друга. Посредством воя стая утверждает права на свою территорию. И порядок в стае тоже устанавливается по звуковым законам. Вожаком не только обладает самым громким голосом в стае, но и является единственным волком, который осмеливается первым приблизиться к источнику незнакомого звука.

Полвека назад расшифрован язык пчел. Это первый символический язык, открытый в природе, причем единственный пока, что может быть сравнен или противопоставлен человеческому.

О чем же разговаривают пчелы? Вероятнее всего, о корме. Каждая пчела, вылетающая из улья в поисках пыльцы и нектара, тотчас после возвращения делится с подругами о том, что она отыскала. И говорит об этом — танцем. Танцевальные «па», которые она показывает пчелам, представляют собой символы, обозначающие путь, ведущий к корму. Ученым даже удалось разгадать несколько слов пчелиного языка. Вот несколько примеров: круговые фигуры налево и направо — корм сравнительно близок; фигурки в форме восьмерки, очерченные движением брюшка, — источник корма или близко, или далеко. При большом расстоянии до корма восьмерка носит замедленный характер; если же расстояние пустынное, движения брюшка ускоряются. Из танца можно узнать и направление к источнику корма:

если пчела взлетает кверху — цветы найдутся по направлению к солнцу, а если опускается — следует лететь в обратном направлении.

Паша Никанорова пишет: «Когда у нас на пруду растаял лед, я пошла посмотреть, кто живет в воде и у воды. Но кроме бурой лягушки никого не увидела. Скажите, можно ли в Подмосковье встретить тритонов?»

Можно! И это подтверждает семиклассник Саша Соловьев. Предлагаю его заметку о тритоне.

В ЗАЛИВЧИКЕ

Рано утром мы с папой надели высокие резиновые сапоги и отправились в поход. Наш путь лежал к реке, где есть заветный заливчик с чистой водой. В нем весной поселяются тритоны. Они устраивают в воде свадьбы и откладывают яйца, чтобы народилось потомство.

Мой папа интересуется земноводными с детства, и я очень многое узнал от него.

У нас в средней полосе России обитают два вида тритонов: обыкновенный и гребенчатый. Гребенчатый крупнее и темнее. Сверху он почти черный или коричнево-черный, а снизу — оранжевый, с черными пятнами. Но в нашем заливчике водится тритон обыкновенный. Его спина зеленовато-бурая, с темными пятнышками, а брюшко оранжевое, с такими же темными пятнышками.

Зимой тритоны крепко спят. Постоянных норок у них нет, они заползают на

зиму в какую-нибудь щель. Могут забраться в гнилую колоду, под пень, в брошенную чужую норку.

Во время весенних свадеб тритона-самчика легко отличить от самочки. В это время по бокам его длинного хвоста появляются синеватые полосы с перламутровым блеском. На спине красуется фестончатый гребень, который тянется от головы до хвоста.

Тритон — молчун, он не урчит, не квакает, сидит в воде тихо и спокойно. Только один раз я услышал, как тритончик пискнул. Мой папа сказал, что иногда это с ним бывает.

Самочка тритона откладывает яйца по одному, приклепляя каждое к твердому предмету в воде. Мы с папой видели их на листьях подводного растения.

Очень любопытный вопрос Василия Исакова: «Правда ли, что у нашей планеты есть внутренние силы, способные приподнимать землю под нашими ногами?»

Да, такое явление наблюдается во многих местах земного шара. Об этом рассказывает Николай Николаевич Непомнящий.

ЗЕМЛЯ... НА КАЧЕЛЯХ

Мы в Италии, в городе Паццуоли. Древние римляне добывали здесь вулканический туф. Его называли паццоланом.

Сравнительно спокойно жили люди в этом городе. По крайней мере, ходили по твердой земле, хотя ее прибрежный участок и опустился в море.

В 1960 году все изменилось. Будто тесто на дрожжах, стала подниматься почва под ногами. За полгода территория города «подросла» на десятки сантиметров. Началась паника. Заговорили о переселении.

Геологи не на шутку забеспокоились: в чем причина необычного явления? Родилось предположение: в земную твердь стала проникать расплавленная магма. В то же время в Неаполе наблюдали опускание поверхности земли.

Не из подземных ли глубин под красивейшим портом Италии перетекала по трещинам в район Паццуоли магма? Нет ли связи между ее блужданиями и будущими извержениями Везувия? В общем,

вопросов много, но единого ответа пока нет.

Здесь, в Италии, «подрос» вроде бы небольшой участок. Иное дело в Америке. В 1959 году в США произошло сильное землетрясение. Факт не новый, если... Да, если не считать, что за три десятилетия, предшествовавших этой катастрофе, огромная территория страны площадью около 8 тысяч квадратных километров приподнялась почти на 20 сантиметров. «Подрос» и знаменитый Йеллоустонский национальный парк. Твердь земная не выдержала в отдельных местах давления снизу и треснула. Так возник Хебгенский разлом, в результате чего кое-где слои пород поднялись на высоту двухэтажного дома. Геологи знают, что воздымание этой территории началось тысячи лет тому назад. Почему? Ученые полагают: медленно, очень медленно заползают сюда глубинные массы планеты. Хотя объяснение вроде и найдено, но полной уверенности в его справедливости пока еще нет.

Вероятно, те же силы поднимают и дно Балтийского моря. Приморскому городу Санкт-Петербургу на протяжении столетий ежегодно грозили наводнения. Пройдут тысячелетия и этот район станет сухопутным, может быть, похожим на современное побережье Норвегии. Ныне там, в Норвегии, ищут затонувшие тысячи лет назад корабли викингов, но не в море, а на суше. И, представьте, находят. Это одна сторона действия геологических сил.

Другая — не менее странная: в 1959 году в окрестностях Осло произошел большой оползень. Он разрушил все, что находилось на километровой участке его пути, в том числе и один дом. Решили ра-

зобраться, почему произошла катастрофа. Оказалось, хозяева дома собрали на семейный праздник гостей. Устроили танцы. Лихие плясуны запросто сдвинули земные отложения. Думаете, случай исключительный? Отнюдь, нет. Однажды в Норвегии на зеленом лугу поплыли и стали тонуть коровы...

Такие загадки разгадать нетрудно, если знать, что все это происходит на суше, некогда поднявшейся из-под соленых вод. Земля здесь сложена глинами, частички которой скреплены морской солью. Есть там и влага. Вот и случается, что от сотрясений твердое вновь переходит почти в жидкое состояние.

Да, многие участки земной коры качаются, словно на качелях. Не обходится такое «расшатывание» и без вмешательства человека. Мы быстро освоили нефтяные и газовые месторождения. Ежегодно добываем сотни миллионов тонн нефти, десятки миллионов кубических метров газа. А к чему это может привести? К проседанию огромной территории. В одних районах небольшому — на 20 сантиметров, в других значительному — до десятков метров.

Это результат деятельности человека. Но одновременно продолжают движение и недра.

По-разному ведут себя территории различных городов. Точные измерения показывают, что ежегодно Самара опускается на два миллиметра; Пермь, Одесса и Баку оседают на пять. Однако подрастают Тула, Даугавпилс, Минеральные Воды. Рекордсменом можно назвать город Ставрополь на Кавказе. Ежегодный подъем его территории приближается к одному сантиметру. В особом положении находится Москва. Ее восточная часть уходит вниз на шесть миллиметров в год, а западная немного поднимается. Все эти изменения нужно учитывать. Иначе люди, как коровы, начнут проваливаться прямо на улицах.

Третьеклассник Шура Аминьев рассказывает: «Мой брат уверяет меня, что есть грибы трутовики, которые летом плачут кровавыми слезами. Но я думаю, что Митя обманывает меня. Разве могут грибы плакать?»

Еще как могут-то! Своеобразный плач трутовика, а точнее сказать — выделение грибом клеточной жидкости, точь-в-точь похожей на слезы, — это не сказ-

ка, не обман, а самое естественное явление. Об этом рассказывает биолог Елена Матвеевна Иванова.

РАДОСТНЫЕ СЛЕЗЫ ТРУТОВИКА

Человек плачет чаще всего от горя и отчаяния. Но бывает, что печальные слезы сменяются радостными. В любом случае, когда из глаз текут слезы, солоноватую жидкость выделяют слезные железы.

Но мы нередко называем слезой и маслянистую каплю смолы на сосне, и густые капельки свежей мякоти яблока или на срезе первосортной ветчины. Вот и некоторые трутовики в определенное время своего роста выделяют маслянистые капли. Особенно славится своими слезами трутовик печеночница. По форме и окраске он похож на печень, поэтому его и назвали печеночницей.

Она любит селиться на широколиственном дереве. При благоприятных условиях печеночница вырастает довольно быстро, всего лишь за неделю. Во время бурного роста она «пьет» очень много воды. Пьет и пьет без устали, как верблюд после длительного путешествия по безводной пустыне. В это время ткани печеночницы становятся упругими, эластичными, яркими. В клетках гриба в такой момент сильно повышается давление, достигая семи атмосфер. Оно равно давлению в шинах десятилетнего грузового автомобиля.

Именно в момент усиленного роста на поверхности печеночницы и появляются маслянистые капельки клеточной жидкости. Они выдавливаются изнутри. Эти капельки яркого красного цвета. Поэтому и говорят, что печеночница плачет кровавыми слезами. Однако ее слезы не печальные, скорей — радостные, указывающие на избыток жизненных сил.

Различных грибов на нашей планете очень много. Продолжительность их жизни не одинаковая. Есть многолетние грибы, есть однолетние, есть живущие неделю, а есть такие, у которых плодовое тело истлевает через несколько часов после появления на свет. Быстрее всех растут и дольше всех живут трутовые грибы.

Среди трутовиков много видов. Они разные по окраске, величине, форме. Есть сочные, мясистые, как печеночница или серно-желтый трутовик. А есть кожистые, деревянистые. Увидев в лесу на березе

трутовик чагу, похожий на лошадиное копыто, можно подумать, что гриб мертвый, настолько он тверд. Его ножом не срежешь. А на самом деле гриб живой, просто он по природе своей такой жесткий.

Все трутовики питаются древесиной. Такой гриб можно увидеть на старом деревянном заборе, на дровах, давно сложенных в поленицу, но больше всего их в лесу.

Они поселяются на больших деревьях, замшелых пнях, валяющихся на земле стволах, сучьях, корягах. Одни трутовики разлагают, размягчают древесину, другие, поселяющиеся следом на том же месте, превращают размягченный ствол или пень в труху. Вторичную работу — превращение древесины в труху, продельывает, например, трутовик кориблус многоцветный.

До чего же красив этот кориблус! В его окраске преобладают благородные серые тона, изысканно разбавленные яркими белыми пятнышками и желтоватыми, коричневыми, зеленоватыми разводами.

За разрушительную деятельность, за уничтожение упавших старых деревьев и кустов трутовые грибы заслужили у лесоводов почетное звание — санитаров леса. Активно очищая лес от растительного сора, трутовики освобождают место для молодой поросли.

Уместно будет сказать и о том, что среди множества видов трутовиков есть съедобные грибы. Съедобна печеночница, съедобен серно-желтый трутовик. Последний чаще всего поселяется на белой иве. Растет скученно, гроздьями или сростками. В сростках грибы наслаиваются друг на друга, словно черепица на крыше. Разра-

стаясь, сросток может достигать до полуметра в поперечнике. Однако в наше время нехоженых мест в лесах мало и серно-желтый трутовик встречается очень редко. Как малочисленный, гриб занесен в Красную книгу.

Непостижимо разнообразие вопросов любителей природы. Ира Расторгуева спрашивает: «Как беспомощные бабочки спасаются от врагов?»

Природа щедро наградила бабочек всевозможными уловками и хитростями, помогающими обмануть самого сильного неприятеля. Об этом писательница Татьяна Васильевна Рождественская рассказала прелестную сказку-быль. Читайте.

СПАСАЙСЯ, КТО КАК МОЖЕТ!

Существует множество способов спастись от врага. Вот бабочка-лимонница, например, увидев охотника, падает в обморок. Кому нужна большая бабочка? Никому! И враг не солоно хлебавши летит дальше. Так же поступает жук-шелкунчик. Подождет лапки, выгнет спинку — и шелк в траву. Вроде помер! Не поминайте, мол, братцы, лихом! Гусеница-пяденица садится на первое попавшееся дерево и «превращается» в сучок. Хоть шляпу на нее вешай. Ночная бабочка, чтобы спокойно поспать днем, садится на сосну, прижимается к ней и отличить ее от шероховатой коры уже невозможно. А вот наша любимица божья коровка и не думает прятаться. Ее яркая мантия как бы говорит — не тронь! Отравись!

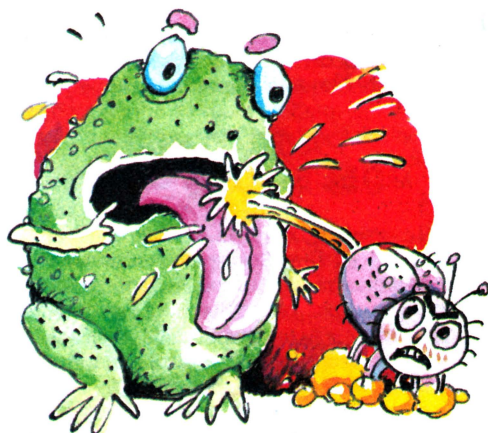
Но, пожалуй, самым остроумным образом защищается жук-бомбардир. Он смело шагает по тропинкам и всегда напевает веселенькую песенку: «Я отважный славный жук, мне не страшен и паук! Не страшна лягушка! У меня есть пушка!»

Услышала эту дерзкую песенку молодая лягушка и решила проучить хвастуна. Преградила жуку дорогу и говорит:

— Эй! Нахальный жук, а ну-ка полей ко мне в рот!

— Почту за честь, — откозырял жук, — в сей миг там буду! Дай только поудобней развернуться, чтобы сразу тебе в рот прыгнуть.

Развернулся жук, встал к лягушке за-

дом, прицелился и... выстрелил из брюшка ядовитой жидкостью.

Опешила лягушка от такой наглости, да так и осталась сидеть на месте, выпучив глаза. А жук-бомбардир зашагал дальше.

— Ну, кто еще хочет моей пушечки попробовать? — галантно раскланивался он направо и налево.

Но никто не хотел! Многие знали о способностях бомбардира. Только глупая молодая лягушка не знала. Да уж теперь она на всю жизнь этот урок запомнит!

Женя Купцов интересуется вот чем: «В одной книге я прочел о том, что морской моллюск тридакна — очень опасное существо. А по радио говорили, что это не так. Где правда?»

О морском моллюске тридакне рассказывает доктор биологических наук Борис Федорович Сергеев.

БЕЗЗУБЫЙ ХИЩНИК

Тридакна — самый крупный двустворчатый моллюск. Вес его вместе с раковиной может достигать 200 килограммов. В прошлом это безобидное существо вызывало у некоторых водолазов панический страх. Даже в инструкциях по водолазному делу, которые применялись в южных странах при работе в тропических морях, говорилось, что водолаз ни в коем случае должен не дотрагиваться до огромной тридакны и следить за тем, чтобы шланг, по которому подается воздух, не был пережат ее створками.

В те годы в газетах и журналах часто появлялись сообщения о трагичес-

ких происшествий, которые, якобы, случаются с любопытными ныряльщиками или водолазами, по неосторожности сунувшими руку в приоткрытую щель огромной ракушки и как капканом пойманными коварным моллюском. Судьба таких неосторожных людей должна быть трагичной: не то что с грузом в 200 килограммов, но и с живым капканом килограмм на пятьдесят на поверхность не выплывешь.

Сейчас мы знаем, что подобные происшествия — всего лишь рассказы. Тридакна никогда не раскрывает свою раковину так широко, чтобы туда можно было просунуть палец взрослого человека, тем более его руку. Однако в морях обитают двустворчатые моллюски, которые представляют серьезную опасность если не для человека, то во всяком случае для птиц.

Однажды в бухте Моржовой у восточного побережья Камчатки моряки со стоящего на якорю судна заметили баклана, который как-то странно барахтался в воде и как только обессиленный замирал, сразу начинал погружаться в воду. Присмотревшись, люди заметили, что клюв птицы зажат створками большого черного моллюска около 30 сантиметров длиной. Моряки не успели прийти на помощь несчастной птице: баклан спас себя сам, обломив кончик клюва.

Аналогичный случай в том же году произошел на южных островах Курильской гряды. Здесь баклана с висевшим на клюве моллюском поймали на пляже и спасли. Годом позже баклана с крупным гребешком на клюве поймали на мелководье острова Шикотан. Как птицы попадают в капкан, понятно. Бакланы — всеядные существа, в том числе не брезгающие и моллюсками. Видимо, ныряя на глубину, неразумные птицы, чтобы урвать что-нибудь вкусненькое, суют клюв в щель между створками раковины моллюска и бывают пойманы. Скорее всего, подобные случаи происходят не так уж и редко, а то что мы об этом узнали относительно недавно, вполне понятно. Чаще всего бакланы кормятся достаточно далеко от берега. Если капкан оказывается тяжелым, птице может вообще не удастся всплыть на поверхность, я уже не говорю о возможности добраться до берега. Плененные пернатые в этом случае погибают вдали от людей и поведать об очередной трагедии бывает некому.

Вот что значит — борьба за жизнь. Беззубый, безрукий и, казалось бы, вообще

беззащитный моллюск в одночасье из жертвы превращается в охотника и губит птицу, покусившуюся на его жизнь.

А теперь предлагаю вам вопрос.

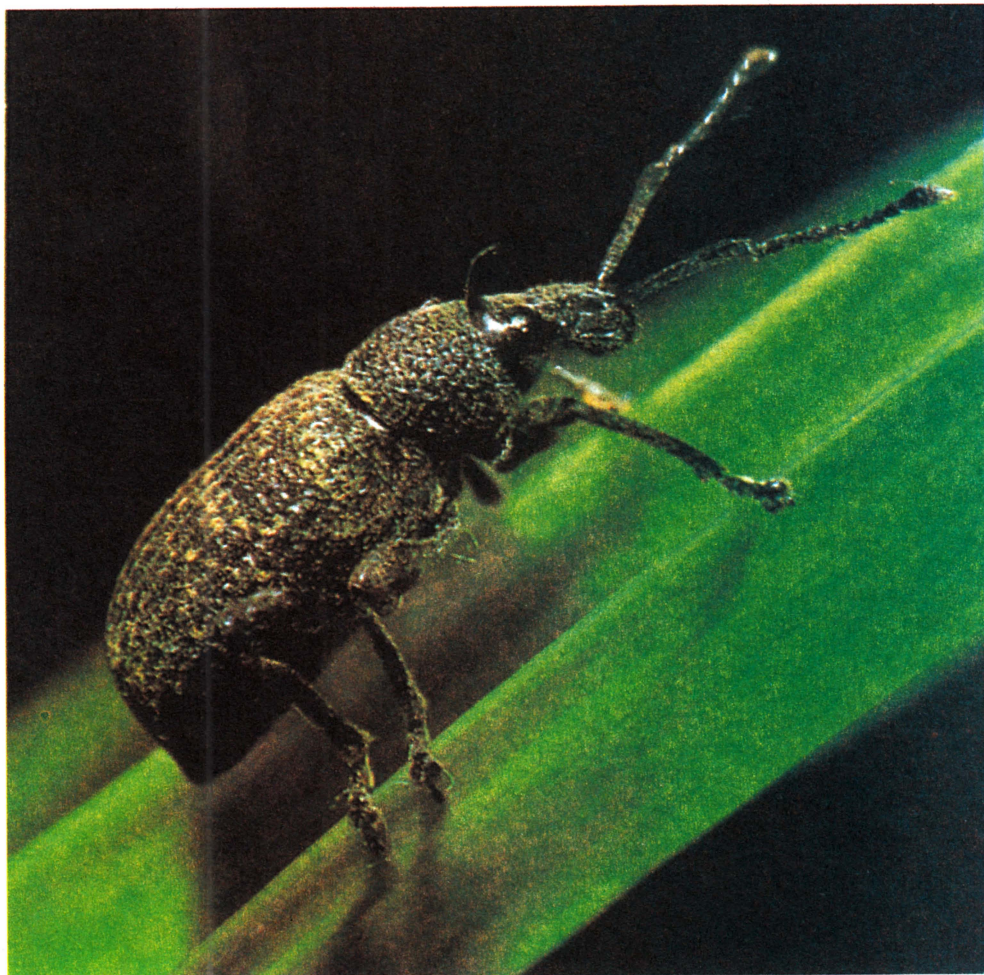
Этих двух коричневато-буроватых бабочек из семейства голубянок зовут — хвостатка дубовая и хвостатка березовая. Естественно, что увидеть их легче всего в дубраве и в березняке. Мотыльки частенько садятся на ветки и листья, порхают над древесными кронами. Друг от друга они отличаются только тем, что у них на верхней части передних крыльев разного цвета пятна: у хвостатки дубовой пятна фиолетовые, а у хвостатки березовой — ярко-оранжевые. Первая, как правило, откладывает яйца на листья дуба, вторая — на листья березы. Как вы думаете, почему?

До свидания, мои друзья! Жду ваших писем.

Ваш Главный Почемучка

ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ТАРТАРЕНА

— Хорошо бы поехать в дальние страны на сафари, — сказала Алиса, вздохнув мечтательно.

Одну знакомую девочку

папа с мамой брали в такое путешествие прямо в Африку. Сколько же там интересного! Например, львы, крокодилы. А здесь

— за окном снег да еще ночь. И выглядывать-то зябко.

Алиса подняла взгляд от книги и выглянула. Как

странно! За окном не было снега, а лужайка зеленела. И всюду светило солнце. Сразу же захотелось под его теплые лучи, Алиса вскочила и побежала во двор.

Приятно было, напевая, нестись вприпрыжку по мягкой траве, но местность вокруг почему-то переменялась. Вроде бы немного и пробежала Алиса, а все — незнакомо. Она огляделась. Дюны, песок. И какой-то здоровенный жук, весь зеленый, только светлые пятнышки на надкрыльях, прибежал откуда-то и встал перед ней, как лист перед травой.

Ну и голова у него! А глазищи — прямо марсианские. Выпуклые, черные и сверкущие. Стройные ноги — розоватые. Экий шеголь.

— Зачем Вам такая большая голова? — спросила Алиса, поздоровавшись.

— Чтобы побольше вместились жевательных мускулов, детка, — отвечал жук.

— А зачем Вам такие большие глаза? — спросила Алиса.

— Чтобы лучше нацеливаться, детка, — отвечал жук.

А зачем такие большие зубья на таких огромных, кривых и острых челюстях? — хотела было еще узнать Алиса, но вовремя вспомнила, к чему приводит подобное любопытство.

А жук подождал, позыркал приветливо глазищами и помчался прочь, то короткими рывками, то подсакивая, расправляя надкрылья и трепеща прозрачными крыльями. Вот он исчез за песчаным греб-

нем, но скоро появился вновь. Остановился перед Алисой и выпалил:

— У тигров — клыки! У хищных жуков — огромные челюсти! На которых — огромные зубы! У нас, скакунов, и у жужелиц! С кем нас иногда записывают в одно семейство! Мы — тигры насекомых мира! Непобедимые хищники, быстры на ноги, красивы на вид!

— Скаун! Скаун! — завопили вдруг за спиной у Алисы.

И на дону гурьбой вбежали смуглые полуголые люди с копиями, по облику — туземные воины, а следом, пыхтя, носильщики втаскивали большую железную клетку, где стоял огромный, толстенный человек в широченной блузе и в шароварах еще широченнее. За поясом у него была пара растрюбистых пистолетов, а в руках — исполинское ружье.

— Убежал туда, — махнула рукой Алиса совсем не в ту сторону.

— Он может еще вернуться! — вопил человек в клетке. — Поверьте мне, мадемуазель, великому охотнику Тартарену из Тараскона. Молю Вас, подойдите к клетке, чтобы я в случае опасности мог Вас защитить метким выстрелом. Сейчас же преследовать скакуна! — велел он туземцам, и кучка их побежала, куда показывала Алиса.

— Мадемуазель, какая встреча! — начал любезно Тартарен. — Только приступил к сафари и уже спас даму. Не окажете ли милость сопроводить меня на этой охоте. Я у Ваших ног.

— На охоте? — смути-

лась Алиса, но вспомнила, что читала. Пока этот великий охотник в жизни никого не убил. — С большим удовольствием, сказала она, приседая, как учила. — Благодарю за чудесное приглашение.

Следопыты вернулись, не найдя скакуна. Решено было охотиться из засады, и отряд перевалил через гребень. Алиса шагала возле клетки с Тартареном, под его защитой. Стало очень жарко, видимо, здесь было ближе к тропикам. К тому же была ночь, звездная-презвездная. Удивительно, как только голова не закружилась от таких смен дня и ночи! Туземцы зажгли факелы.

Когда рокот волн и соленый бриз возвестили о близости моря (по крайней мере, так об этом Алиса читала в книге), вождь туземцев нашел в песках сыпучую воронку и показал ее издали Тартарену. Достали приманку — кузнечика и начали протаскивать перед воронкой на длинной веревке. Ждать почти не пришлось. Из ямы показалась пара длиннющих жвал, загнутых остриями, крупная голова и могучие, мохнатые передние ноги, а затем и весь жук, черный и блестящий, с тонкой галией, словно шарнирной. Он ринулся на кузнечика, схватил его челюстями и поволок, собираясь опустить в воронку вниз головой. Туземцы бросились было с копиями, но их остановил зычный глас Тартарена:

— Назад! Скарита уложу метким выстрелом!

Туземцы отпрянули, и великий охотник выстрелил. Алиса зажмурилась,

а когда открыла глаза, дым рассеялся, и не было уже ни жука, ни приманки. Туземцы сматывали простреленную веревку.

— Ничего, — не унывал Тартарен и приказал нести его дальше.

Теперь они отделились от моря и, верно, попали в знойную пустыню. Вдруг передовые с факелами внезапно замерли, и вождь осторожными шагами подступил к клетке.

— Дальше плохо ходи, — сказал он тихо и озабоченно. — Много нора. Каждый нора — шесть белых пятно. Господин мимо ходи.

Туземец обвел рукой местность. В песках, молочно-белых под взошедшим месяцем, чернели

широкие ямы. Из ближайшей в мерцании факелов выступали длинные трепетные усики, громадные серпы жвал и огромные глянцево-зеленые глаза.

— Какое мимо? — возмущился Тартарен. — Жужелица Антия — мечта всякого настоящего охотника. — Приманку достать, разложить и волочить!

Туземцы нехотя повиновались, выставили нового кузнечика и, размотав веревку на всю длину, опасливо ее поволокли. Но случилось непредвиденное. Из-за бархана выскочила пустынная мышка, огляделась, подбежала к приманке и принялась уплетать за обе щеки.

Иные насекомые поедают на цветках нектар, а иные, как этот лесной скакун, — поедателей нектара.

Ха-ха-ха! — громогласно хохотал Тартарен, опуская ружье. — Мне, великому охотнику, загоняют мышья! Мне — мышья! Ха-ха-ха!

Смех его разом умолк. Антия, исполинский шестисантиметровый жук, весь черный, с шестью яркими белыми пятнами на спине, метнулся из норы к мышке и вонзил в нее свои ужасные челюсти. Борьба была короткой. Туземцы, уловив миг, кинулись на жужелицу с копьями, но едва она, повернувшись, грозно поднялась всем передом и раскрыла жвалы, воины ударились в бегство. Остальные молча наблюдали, как Антия растерзала добычу.

— Не нравится мне это место, — вымолвил наконец Тартарен. — Много Антий. Развернуться негде. Едем дальше.

И удача наконец улыбнулась. Спустились к реке, зной спал, и на кузнечика выманили из норы жужелицу, тоже угольно-блестящую, с огромной головой. Туземцы с криками затравили жертву, и она мертвецки легла, вытянув судорожно ноги и широко растопырив мощные жвалы. Тартарен очень обрадовался и даже выскочил из клетки. Он ходил вокруг неподвижной добычи и сверкал глазами так хищно, так любовно поглаживал ружье, что Алиса перепугалась.

— Не повезти ли Вам ее домой живую? — предложила она. — Увидят страшного хищника все тарасконцы. Какой Вам будет почет!

— Да, да! — возликовал Тартарен. — Прекрасная мысль! Только прежде меня сфотографируют.

И Алиса сфотографировала его в разных положениях. И с ногой на матовом, нежно бороздчатом надкрылье, и верхом на жуциной спинке, и наконец охотник до того осмелел, что пожелал сняться на короточках меж раскрытых жвал. Так он и присел.

— Берегись! — закричал вождь, но было уже поздно. Огромные челюсти сомкнулись, и не будь на Тартарене широченных штанов, дело бы кончилось плохо. Но и за них его зацепило намертво.

Улиткоед выследил добычу по слизи и собирает втиснуться в раковину узкой головой и передчеспинкой. Другие его сородичи разгрызают раковину по кругу мощными челюстями.

— Ай-ай-ай, — сокрушался вождь. — Жужелица головастый. Сам ложись и помирай, а жвала — цап. Тростинка дай кусать, потом махай, он прямой угол держись и застывай.

— А мне что же — из штанов вылезать? — возмутился охотник.

— Вылезай, — подтвердил вождь.

Пришлось Алисе отойти, чтобы соблюсти приличия. Невдалеке оказался пенек. Тек ручеек, и она присела на травку. Надо разобраться во впечатлениях. Какое сафари! Той другой девочке и не снилось! И ей, Алисе, такое не снилось. Над этой последней мыслью она было призадумалась, но ненадолго. Рядом влажный песочек вспучился, треснул, и оттуда выполз махонький черненький жучок с коротенькими оранжевыми над-

крыльями — все брюшко голышом! Он улыбался.

— Обманули дурака на все двенадцать лапок, — сказал жучок.

— Неужели на Вас он тоже охотится? — удивилась Алиса.

— На меня и только, — поправил жучок. — На каждый вид коротконодкрылого жука бледиуса охотится свой вид жужелицы Дисхириуса. И я его обманул.

— Вот здорово! — сказала Алиса. — И как же?

— Обычно. Живу, рою ходы в песке. А за мной идет, разрывает Дисхириус. Способ один — ускользнуть, когда копаешь вниз отвесно. Он за тобой, а ты хоп, — и жук выписал лапой дугу, — резко перегибает ход. И — на поверхность. А он так и шурует вниз. Ха-ха. Ну, я порыл, — попрощался он и начал опять углубляться.

— Побольше вам перегибов, — крикнула вслед Алиса.

К ручью спустились туземцы с Тартареном в клетке. Головастую жужелицу бросили, чтобы забыть позор, и великому охотнику не терпелось сразить настоящего хищника, не такого, который чуть тронь — уже падаетдохлый. Скоро отряд вошел в ночной лес, влажный и прохладный, и охотники зажгли факелы. Вдоль тропы попадались пустые улиточные раковины, прогрызенные сверху по кругу.

— Некоторый жужелиц жвала развивай-развивай, — заметил вождь, — банка разгрызай, мясо кушай.

Вдруг вождь остано-

Ну и головаща у жука-скакуна! И внутри — много жевательных мускулов.

вился и принялся. Сел на корточки, повел ладонью об траву. Другие туземцы тоже гладили траву и подносили ладони к ноздрям.

— Улитка слизь оставила, — промолвил наконец вождь. — Моги улиткоед след бери. Белый господин вперед-вперед.

— Вперед! — велел Тартарен, и отряд поспешил в погоню.

Блуждали долго, но не зря. След вывел на поляну, где раковина лежала плашмя, а из горловины торчали черные надкрылья жужелицы. Отблески факелов мигали на их зернистой поверхности.

— Улиткоед башка узкий, — шептал вождь. — В банка влезай, улитка кушай. Улитка внутрь жмись, слизь выпускай. Жужелица едкий сок изрыгай, мясо растворяй и соси.

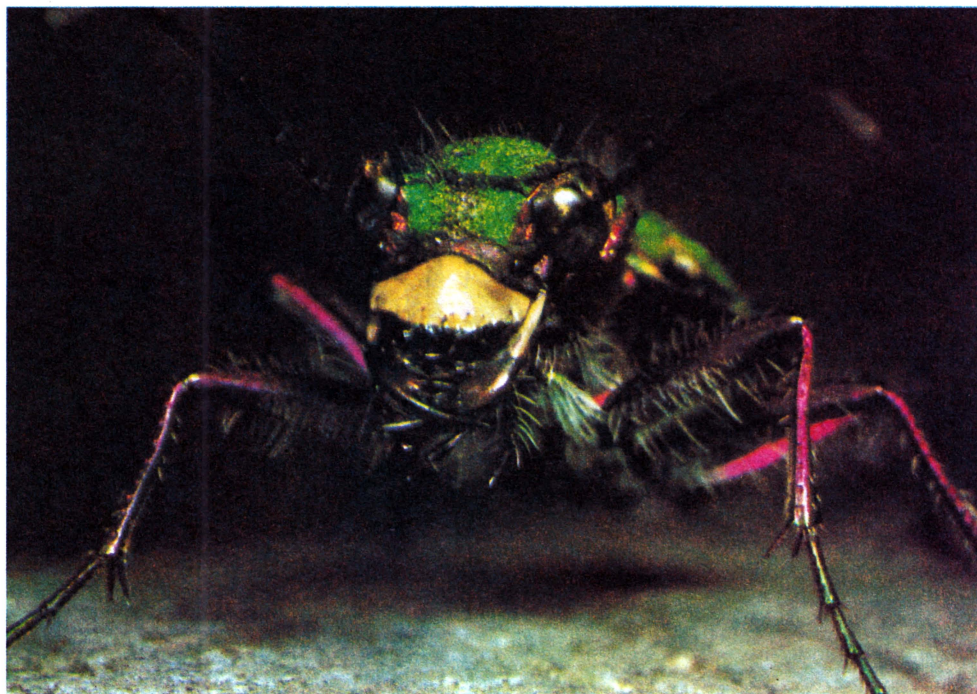
Он приложил палец ко

рту и вместе с другими туземцами стал на цыпочках пробираться к поляне.

— Жаль, далеко для меткого выстрела, — важно проговорил Тартарен, поворачиваясь к Алисе, и тем все испортил. Жужелица грозно зашуршала брюшком о надкрылья, а туземцы мгновенно бросились врассыпную и попадали наземь. Из конца брюшка прыснула вонючая струя и угодила прямо в Тартарена, обдав его с ног до головы.

Великий охотник завопил благим матом, и все сразу позабыли про жука-улиткоеда.

— Быстро клетка купай, — приказал вождь, и носильщики, чуть не падая, поволокли ее к реке. Охотник не умолкал, хотя уже видно было, что облита лишь одежда. Клетку затопили, ему по шею.

— Моя иди ловушка проверь, — объявил вождь.

— А можно с Вами? — попросилась Алиса.

Туземец окинул ее взором и молча дал в руки свое копье. Захватив еще несколько воинов, они пошлагали в заросли.

После недолгого пути вождь остановился у лежащего деревянного обрубка и велел охотникам приподнять. Те поддели копьями, сунули в щель факел. С негодованием оттуда воззрился жук, плоский и широкий.

— Поднимай укрытие — ложи на место, — приговаривал вождь. — Новый жужелица — твердый брюшко приходи. Один обрубок — каждый день моги делай сборы. Десять день, двадцать день. А моги — не делай, — добавил он, и туземцы опустили колоду обратно.

Отыскалась первая ловушка — трехлитровая банка, врытая в землю по самый край и защищенная навесом от дождя и лягушек. Опустили в нее факел на веревке и нашли довольно крупного жука, сантиметра в два с половиной. Черный, с бронзовым отливом, с фиолетовыми краями и мелкими точками на надкрыльях, нанизанными на тонкие бороздки, он показался Алисе ужасно знакомым. Прямо с дедовой грядки!

— Жужелица лесная, — сказал вождь. — Поймай, определяй, выпускай.

Воины подтащили толстую шершавую ветку, опустили в ловушку и отбежали. Жужелица скоро выбралась и скрылась в травах, а ветку вернули на место.

Золотой жук — мечта всякого коллекционера. Потому и совсем исчез. А встречалась эта жужелица лишь в одной горной долине на севере Италии.

Из другой ловушки выпустили садовую жужелицу, тоже черно-бронзовую, только с редкими бороздками, крупными и золотистыми точками. Тоже знакомая-презнакомая.

— Что же это за сафари? — обиделась Алиса. — Подсовывают домашних животных. Неужели нельзя поймать кого-то диковинного?

— Да, — вздохнул вождь. — Бывай жужелица и красивый, и дикий. Но много коллекционер хватать-хватать, много вид исчезай.

— А-аа, — догадалась Алиса. — Тогда понятно,

почему и этих по одной на банку.

— Ловушка каждый день ходи проверь, — загадочно отозвался туземец. — Вчера моя не проверь, теперь каждый один жужелица поживай.

— Ловушка пустой все, — объявил он в лагере, где Тартарен уже обсох на солнце, оправился от переживаний и повеселел.

— Не замечательно ли, — восклицал толстяк, обращаясь к Алисе, — я, который охотился на царя зверей, охочусь теперь на князя среди жужелиц! О, земляк Фабр, метко твое слово, как моя пуля. Красотел пахучий! Где красотел пахучий? — требовал он уже от вождя.

Тот смиренно склонил голову, а потом обеими руками показал на раскидистый дуб, стоявший в степи неподалеку.

— Моя люди выследи красотел. Дубовый шелкопряд поход шагай, красотел кушай. Белый господин, извольте поднимайся.

И вот лагерь перенесли под крону, распаковали воздушный шар, прикрепили к клетке и стали надувать газом из баллона.

— Прошу пожаловать в клетку, — пригласил великий охотник Алису. — Вас ждет необычайное приключение. А мне нужен балласт.

«Балласт, балласт, — вспоминала Алиса. — Помоему, это то, что сбрасывают, когда шар теряет высоту!»

Но раздумывать было некогда. Она скользнула в клетку, и толстяк сразу захлопнул дверь. К решетке привязали веревку,

и шар начал тяжело подниматься, а туземцы с другим концом ловко взбирались по стволу.

Шар провели сквозь листву, сильно объединенную, как оказалось, и подчалили к ветви. Какое же открылось зрелище! Вниз по стволу ползли одной тонкой, слитной, ужасной вереницей десятки, сотни мохнатых гусениц, серобелые в малиновых пятнышках, а крупный трехсантиметровый жук вырвал одну из цепочки и раздирал на части крепкими жвалами. Блестела его синяя спинка, медью отливали широкие, золотисто-зеленые надкрылья. Такого великолепного жука Алиса еще не видела.

— Меткий выстрел, Алиса, один только меткий выстрел, — мечтатель-

Есть жужелицы, и есть настоящие жужелицы. Полевая — из них. Как и садовая, и лесная, и многие другие. Они не только украшают наши сады, но и очищают их от вредителей.

но произнес Тартарен и вскинул ружье.

— Нет, Алиса решительно возражала! Встав позади Тартарена, она принялась изо всех сил раскачивать клетку. Охотник никак не мог прицелиться.

— Переждем ветер, — сказал он и опустил ружье. Потом снова поднял. Алиса опять стала раскачивать. Так повторилось несколько раз, и красотел успел насытиться и почиститься. Он расправил надкрылья и грузно оторвался от коры.

— Улетает! — завизжал Тартарен и, взметнув ружье, послал пулю жуку вдогонку.

Пуля пробила воздушный шар, и клетка стала медленно опускаться.

— Держите меня! — верещал Тартарен, а вождь бросился к чалке и успел перерубить ее. Слабо ускораясь, клетка опустилась до земли. Густая трава смягчила падение.

— Не беда, — говорил толстяк на привале, поти-

рая синяки, — я, Алиса, принадлежу к той редкой породе мужчин, которые никогда не сдаются. Недаром я великий охотник. Одна приманка у меня еще есть. И я подтвержу свою славу! Вынимайте! — приказал он туземцам.

Те достали кузнечика, но замялись и не поволокли. Вождь подошел к клетке и протянул веревку, простреленную при охоте на скарита.

— Воин таскать не моги, боись. Веревка короткий. Последний.

— А другая? — вытаращился Тартарен.

— На дереве оставайся. Птица уноси. Гнездо вей.

— Ууу, — взвыл Тартарен. — Так пускай копые берут, тащат и защищаются!

Алиса не очень прислушивалась. Она разглядывала на песке странную кочку, поросшую белесой щетиной. И кажется, приметила уже с обеих сторон по кучке из трех глазенок, которые озирали все вокруг, нашла мохнатые отростки, похожие на усики, и даже пару кривых, тоже частью мохнатых сабель, но спокойно рассмотреть это не успела. За спором Тартарен сильно распалился, выбежал из клетки и, крича, что сейчас покажет этим трусам-туземцам, как побеждают страх, привязался к кузнечнику и всей своей недюжинной силой поволок тушу, потрясая копьем. Он проволоч десятков шагов вперед, потом назад, но туземцы все хмурились, и он поволок еще в сторону, а тут-то и выскочила из земли мохнатая кочка, — оказалась

Эта личинка Скакуна притаилась в норке.

головой и переднеспинкой какого-то существа, которые словно крышечкой прикрывали норку, а теперь это существо выпрыгнуло, как чертик из табакерки, и, изгибаясь спиной вперед, вцепилось саблями-челюстями в приманку и потащило к своей норе, а с приманкой потащило и Тартарена.

С неистовой силой страха тот рванул вперед, отыграл даже пару шагов и ревел:

— Ко мне! Вытащим тварь и добудем!

Несколько туземцев ринулись, потащили его, как репку, но вождь лишь покачал головой:

— Дохлый дело. Скакун-личинка. Пятый брюшной сегмент два крючка. Стенка нора зацепись.

— Раз-два, взяли, — рычал великий охотник, но снова кузнечик сдвигался к норе, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы туша не разорвалась, и личинка, отхватив ее брюшко, не скрылась в норе.

Тартарен усталился вслед.

— Прошу Вас, мадемуазель, — повернулся он наконец к Алисе. — Помните, сколько опасностей нам пришлось пережить вместе?

— Конечно, — улыбнулась она и сделала реверанс. Потом помахала туземцам и зашагала по дюне домой. А когда пришла и уселась снова в свое кресло, за окном опять была ночь и все вокруг припорошило снегом.

А. КУЗНЕЦОВ.

Рис. В. Горячевой

Записки натуралиста

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Зимой сквозь таежные дебри и через болотные хляби на много километров прорубили широкую, ровную просеку. Потом поставили железобетонные столбы-опоры и в далекие поселки за рекой Парабелью по проводам побежал электрический ток.

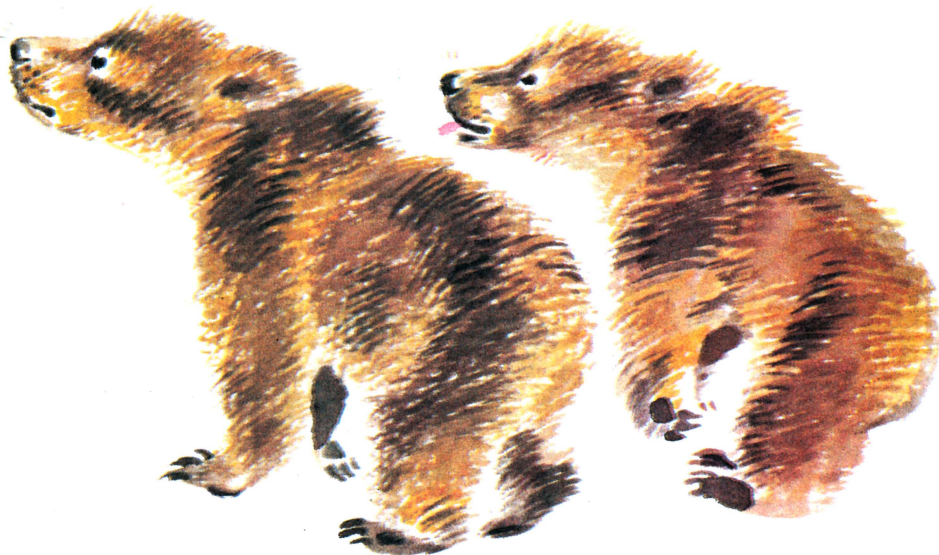
— Просека легла почти у самого порога сторожевого кордона, в глубине лесного заповедника, — рассказывал Никита Филатыч, работавший в то время старшим егерем в этом нетронутом уголке таежного царства. — Так вот, зима в тот год была многоснежной, с лютыми морозами. Весна же ненадолго запоздала. Но затем, будто радостная песня, дружно, весело покатилась вдоль и поперек по нашим сибирским просторам. Всюду по темницам дремучих урочищ и светлым марям встречали ее барабанным боем дятлы, вокруг открывались свадебные игры глухарей, тетеревов, рябчиков. На проталинах пошли в рост пригретые солнышком травы, а на просеке ЛЭП пни недавно срубленных берез буквально истекали животворной соковицей — как зовется в наших краях березовый сок.

И вот что стало известно из дальнейшего рассказа. Однажды, едва забрезжил рассвет, Никита Филатыч отправился на соседнее озеро, где трое суток назад с трубным перекликом кружила пара белоперых лебедей.

— Возможно, на гнездовье здесь останутся? — радовался он.

И теперь вот, чтобы еще раз увидеть этих царственных птиц, егерь сквозь гряды ельника вышел на просеку, пробитую у самого озера. Вчера в солнечный полдень, как бы пируя на сладкой соковице, тут над пнями гудели покинувшие зимние ухоронки шмели, осы, шершни, мухи. А сегодня, пока еще не иссяк легкий морозец-утренник, вокруг не было видно ни единой букашки.

Но стоп! Что такое? Из-под навеса мохнатых ветвей обомшелой елки зоркий глаз Никиты Филатыча внезапно уловил картину, которую встречать еще не приходилось. Посреди просеки торчал, обливаясь соком, толстущий пень — не иначе, как от вековой березы. Возле пня, широко раскинув задние лапы, а передними обхватив его, будто кадучку с медом, сидел таежный владыка — медведь.

Видать, совсем недавно выбравшись из зимовальной берлоги, где отсыпался около полугода, матерый бурач был похож на какую-то косматую копну из шерсти рыжебурого цвета. За время зимней лежки его непомерно отросший мех по бокам обвисал, словно у нестриженной овцы струйчатыми косицами, а по хребту и на загривке топорщился так густо, что лобастая голова, утонувшая в нем, означалась лишь кончиками треугольных ушей, пяточком маслянисто-черного носа да блеском диковато-острых глаз.

Конечно же, топтыга лакоился березовым соком. Самозабвенно, ни на что не обращая внимания, он аппетитно, с довольным урчанием слизывал его не только с ровной плоскости среза, но и тихонько причомкивая, усердно высасывал сладкую жидкость из шершавой коры обомшелого пня.

Березовый сок! Сок, творящий чудо. В нем сокрыта таинственная, прямо-таки волшебная сила. Это он шало бродит в живых тканях коры, корней и ствола дерева, проникает в каждый сучок, в каждую почку и далеко еще до зеленой весны оживляет их. Люди давно поняли, что березовая соковица — эликсир здоровья, в котором содержатся эфирные масла, сахар, витамины и прочие микроэлементы, крайне необходимые для живого организма, будь то растение, животное или человек. И оказывается, что об этой целебной силе сока-березовика не хуже человека с неведомых времен осведомлены шмель с мухой, и муравей с бабочкой, и синица с дятлом, и даже лесной хозяин — медведь.

Прошел день, два — и на просеке в районе заповедника Никита Филатич насчитал трех медведей и двух медведиц с четырьмя медвежатами, которые регулярно по утрам угощались березовым соком.

П. СТЕФАРОВ

ЦИРКАЧ В ТАЙГЕ

Я был очарован егерским конем с первых же мгновений знакомства. Большой и сильный, снежно-белой масти, с независимо гордым взглядом фиолетовых глаз, с особым образом посаженной головой, он заслуживал не только любви, но и трепетного уважения. Конь был несомненно благородных кровей и строгого воспитания в духе конского аристократизма.

Полюбовавшись мужественным красавцем, я спросил подошедшего ко мне хозяина: «Откуда у тебя такое чудо?» Он улыбнулся, поерошил бобриком остриженную лошадиную гриву, погладил уткнувшуюся ему в плечо большую голову и с особым уважением к минувшему герою разговора пояснил: «Знаменитый циркач. Львов и тигров четыре года катал на спине по манежу. Танцевал. Гимнастикой занимался. Но как-то сдуревший медведь шибанул его ни за что ни про что по голени и переломил кость... Видишь рубец и шишку? Ветеринар сложил ее не так и спросила она неверно. И стал вот бедолага прихрамывать. И списали его... Хотели на корм хищникам пустить, но зять выкупил за большие деньги и мне вот подарил. А я им не нарадуюсь, проживи хоть сто лет и он, и я. Умница, храбрец, мне послушен, а больше никого не признает. Звали его Брутом. Но я эту кличку переименовал в

Брата. Он и в самом деле стал мне братом, и мы с ним на равных. Верно ведь говорю, дружище?» — обратился он к своему другу, так внимательно его слушавшему, что появилась уверенность: конь понимает слова своего опекуна, по меньшей мере, их очень благожелательный тон.

Егеря Виктора Стоценко я уговорил поработать моим проводником по совместительству со своей егерской службой. Я тогда с партией охотоведов проводил обследование скатывающихся к морю юго-восточных склонов Сихотэ-Алиня, укутанной зверовой уссурийской тайгой. Особенно много в те годы конца шестидесятых там было тигров. Так много, что то и дело нам сообщали о кровавых проделках в тайге и селах этих охраняемых законом таежных владык то с одного района, то с другого.

Потому я и спросил Виктора: «Как же ты берегаешь коня от полосатых гангстеров, ведь подолгу бываешь с ним в тайге, и пастишь там ему приходится, не все же в конюшне овес да сено жевать?»

И услышал удивительный рассказ. Говорил мой проводник короткими, часто обрубленными предложениями, то и дело перескакивал с одних событий на другие. Но я вечером записал поведенное мне, а потом переложил своим языком. И вот тот рассказ о таежной жизни коня, добрую половину отпущенного природой лошадиного века проведенного под цирковым куполом в обществе всяких зверей, в том числе могучих и свирепых хищников.

Брут от рождения был не только сильным и резвым, но еще и необыкновенно смелым конем. Ударом задних копыт он опрокидывал даже льва, тигра и бурого медведя, а передних опасались и служители цирка, в том числе дрессировщики и сам директор. Случалось, на цирковом манеже этот конь сбрасывал с себя грозных полосатых и гривастых наездников, поведших вдруг себя неуважительно, да еще норовил достать их копытами.

Однако цирковое руководство мирилось со строптивым норовом лошади, потому что уж больно статной и красивой она была, так грациозно бегала и танцевала, что то и дело срывала аплодисменты и восторженные крики зрителей. А дрессировщик в ней души не чаял еще и за ее понятливость при обучении разным номерам и даже трюкам.

С условиями другой половины жизни Брут осваивался долго и трудно. Да и как

же иначе, ведь с рождения вместо неба видел он серо-зеленый купол цирка, клетки со всяким зверьем, стойла. С молоком матери въелся в нутро почти повседневный людской рев и грохот музыки. А еще разные голоса четвероногих соседей по цирку, в том числе и властный рев и рык звериных царей, крики дрессировщиков и артистов, и многое другое, чуждое, как оказалось, вольной природе.

С удивлением видел он под невообразимо огромным и высоким голубым куполом зеленые травяные луга и леса, полные всевозможных ароматов, реки и озера с уму непостижимым обилием питьевой воды, в которой так радостно было купаться и плавать, и горы, и море. И длинные ленты дорог, по которым туда-сюда с ревом носились странные вроде бы существа.

А потом было сельское подворье и другой — ласковый, добрый и заботливый дрессировщик, вскоре ставший наездником и прозванный его Братом. И стал он при-

учать недавнего циркача к необъятным, но молчаливым зеленым просторам, сводил в тайгу и дал ему возможность освоиться в ней и всласть попастись на удивительных, доселе не пробованных кормах.

Едет хозяин на Брате верхом, все время тихо ему напевая и наговаривая что-то хорошее и ласковое. А конь все быстрее осваивается не только с другим своим повелителем и наездником, но и с огромной ареной своей новой жизни.

...Просторное егерское подворье на сельской околице было огорожено высоким крепким забором. Таким его сделать заставила нужда, потому что лес подступал к домам совсем близко и во дворы селян с разбойным умыслом забирались волки и медведи. А годом раньше в егерское хозяйство заскочила через прежнюю городьбу еще не загузавшим вечером молодая тигрица, сходу задавила месячного теленочка и в пасти с ним с надменным спокойствием удалилась, перемахнув ограду без какого-либо напряжения.

Виктор не понимал и не принимал смысла ставшей расхожей и модной поговорки о том, что в одну и ту же реку нельзя ступить дважды. «Вода утекла? — спрашивал он. — Но ведь заместилась в точности такой же!» Гораздо понятнее ему было библейское «Все возвращается на круги своя», и этим он объяснил повторное «явление» к нему той тигрицы.

Однажды в вечерних сумерках, когда в конюшне спокойно хрумкал накошенное на лесной поляне разнотравное сено Брат, истошно завизжала свинья и испуганно замычала корова. А в очень чуткий Братов нос ударил с жеребеночьего времени знакомый терпкий тигринный дух. И он тут же вылетел из своего стойла.

Сначала его толкнула на это цирковая память, однако события раскручивались стремительно и драматично. Одновременно с ним выбежали на крыльцо дома хозяин с ружьем и хозяйка. И «циркач» увидел виновника переполоха: тигрица волочила из свинарника обливающегося кровью, еще живого и кричащего борова, не обращая внимания на возмущенных наглым грабежом людей. А когда хозяин пальнул из ружья куда-то в небо и помчался к грабителю с оглоблей, та бросила кабанчика и с жутким захлебом заревела на мужика, изготовившись к прыжку на него с широко распахнутой пастью.

Брат отважно бросился на хищницу. Кинулся с воинственным ржанием и ду-

гой поднятым хвостом, далеко вперед выбрасывая голенастые ноги с тяжелыми, подковами забронированными копытами. Он был гораздо выше и несомненно тяжелее полосатой разбойницы. Было в его беге и воинственной фигуре столько решимости, что незваная гостья сначала от полнейшей неожиданности оторопела. Когда же конь, не обращая внимания на завоораживающий рык и разверзтую клыкастую пасть, вздыбился над нею с туго поджатыми передними ногами и опустил, резко распрямляя их и тяжело ударив копытами, налетчица испуганно рывкнула и устремилась к забору. Однако с перепугу она его не одолела и свалилась. И не успев встать на лапы, получила сокрушительный удар задними копытами в свой экзотически разукрашенный бок.

В следующие мгновения хозяйка уссурийской тайги уже металась вдоль забора в поисках возможности побыстрее перепрыгнуть через него. Конь же мчался следом и сильно бил вражину, крепко хватал зубами, вырывая клочья шерсти и кожи.

Он забил бы ту тигрицу насмерть, если бы егерь не открыл ворота для почти обреченной владычицы звериного мира и не перехватил у них своего разгорячившегося гладиатора.

Егерская таежная изба укомно уютилась в кабаньих, а стало быть, и тигровых кедрово-дубовых лесах. Мне там посчастливилось базироваться два полных месяца и много походить по зверовым тропам. У избы была выстроена конюшня, но Брат в ней лишь ночевал, днями же шатался вокруг, сам научившись находить свой корм насыщенный даже под снегом и пристрастившись к сочным, вечно зеленым, зимующим хвощам. Тем самым, которые страсть как любят кабаны.

Я удивился: лошадиные следы были даже в километре от избы, и они частенько пересекались с тигринными. Как-то попросил Виктора поделиться секретом этакого совершенно необычного сосуществования лошади с могучими и в общем-то отважными хищниками, которых в жарких странах даже буйволы, носороги и слоны остерегаются и боятся не просто так. И получил несложное разъяснение: «Амбы моего Брата обходят стороной. Тут он одному разбил задними копытами челюсть. Другого же так измугузил и затоптал в снег, что удрал тот, как я потом по следам установил, аж за перевал. Он их учуивает за версту. Конечно, говорить, что мой конь

тигров не боится, я не могу. Но вот что не паникует и не задает деру — это точно. Ждет с достоинством. Сам в драку не лезет, стоять за себя начинает обороной, заканчивает же «встречу» атаками и преследованием. Скажи кому другому — не поверит и даже осмеет. Для веры надо убедиться в силе удара задними копытами в шипастых подковах. Вот послушай...

Прошлой осенью, еще по теплу, стоял Брат в конюшне с открытыми дверями, и стоял хвостом наружу. Лакомился лесным разнотравьем. Хотел я эти двери прикрыть, да забегался и забыл. Собаку, как ты знаешь, я в тайгу беру только на белковку. В полночь вскочил от медвежьего рева, зажег фонарь — и во двор. Конь храпит и ржет, в свете фонаря глазищи фиолетово пылают. А от ворот конюшни в лес протянулась длинная такая лента крови... Утром она вывела меня к околевшему медведю. Угодил ему Брат одним копытом в шею, другой же пришелся в висок. Но вот что я видел ясным днем собственными глазами. Поехал я на Брате за кедровыми орехами, мешка четыре я насобирал их

накануне, надо было привезти вьючно. Пока готовил поклажу, отпустил своего друга попасться. Лес был редкостойный, навроде заброшенного барского парка, тишина по нему бродила, я на своем деле сосредоточился. И вот этот покой что ножом распорол ржание! Вскочил я — и за карабин. Вижу Брата высоко взвившимся на дыбах, а по его спине, ближе к холке, распластался медведь. Передними лапами стервец охватил конские плечи, задними уперся в пах и норовит вцепиться пастью в загривок или шею. А не успел. Пока я старался посадить зверя на мушку и выстрелом не задеть коня, сражение и закончилось. А знаешь как? Рез-

ко и сильно с дыбков упав на колени, конь сбросил с себя эту пропастину. Да не просто сбросил, а так шибанул его о землю, что потребовалось тому время для прихода в себя.

Не знаю в точности почему, а может быть, и поэтому, медведи теперь нашу избу с конюшней обходят стороной. Для них же безопасней. И сдаётся мне другой раз, что среди местного зверья загуляла молва об отважном коне егеря Виктора Антоновича Стоценко».

А закончив рассказ, мой собеседник улыбнулся так бесхитростно и открыто, что я нисколько не усомнился в правдивости услышанного.

Как-то по первоснежью возникла у нас обоим неотложная потребность съездить в село. Было до него двенадцать километров, половина из них петляла по хорошо прорубленной и зачищенной вьючной тропе, потом же выходила на вполне сносную грунтовку. День стоял емкий, бело-голубой и высокий.

Нес нас Брат обоим на своей широкой спине с удовольствием, а под чистые небольшие уклоны переходил на этакый великолепный пританцовывающий шаг, чему был научен в свое время в цирке. Но что меня удивило: почуяв крупного зверя, Брат останавливался и смотрел в его сторону с высоко поднятой головой. Так вот он нам показал на опушке изюбриху с телком, потом вепря-олинца, табунок настороженно следящих за нами косуль...

Брат красиво затанцевал, круто выгнув шею и приподняв хвост. И Виктор влюбленно улыбнулся, поясняя мне: «Вкуснятину просит. На такой случай у меня всегда имеется краюха хлеба с солью. Он ее чует, а потому старается, ага... Счас-счас, Брат мой. Сию секундочку...»

С. КУЧЕРЕНКО

ЛЫСАЯ ОВЦА

Чувство страха дано не только человеку, но и животным. Мне много раз приходилось наблюдать панический страх у лошадей, коров, овец. Надо сказать, что животные подобны людям: одни более подвержены страху, другие менее.

Как-то мне надо было привезти с тока зерно. Взял я у соседа коня, запряг его в телегу, положил мешки и поехал. Конь был добрый, молодой и сильный. По дороге обратил внимание на то, что Гнедко уж очень часто по сторонам поглядывает

и ушами прядает. Ехал я не спеша. Шоссе было высокое, а по сторонам в канавах то и дело попадались и старые автомобильные скаты, и какие-то прохудившиеся ведра. Гнедко на все подозрительно косил глаза. А когда увидел на дороге черную мазутную тряпку, захрапел и запрядал ушами.

— Ты что, дурачок, это же обычная тряпка, — говорил я коню, натягивая поводья. Видимо, это подействовало и я проехал мимо спокойно.

Случилось все на обратном пути. В телегу я загрузил полтонны пшеницы, взгромоздился на мешки и тронулся в путь. Все было спокойно. Конь, хоть телега была загружена почти до предела, шел быстро и, казалось, легко. Так оно и было, пока мы не подъехали к злополучной тряпке. Здесь конь дал стрекача. Он несся изо всех сил и был неуправляем. Даже мои окрики не помогали. Телега готова была свалиться в канаву. К счастью, я не успел растеряться и старался остановить обезумевшего коня.

Не знаю, как бы все получилось, но у телеги вдруг отвалилось переднее колесо. А конь по-прежнему несся по шоссе. Тут я заметил, что по ногам его бьет отводина. Это его еще больше подстегивало и пугало. Я заорал на коня изо всей силы и это, видимо, подействовало.

Как-то в юные годы мне довелось с отцом пасти домашних буренушек. Произошло это вечером, когда мы гнали стадо домой. Было еще рановато, поэтому отец шел впереди и сдерживал коров. Я же шел сзади и подгонял отстающих животных.

И вдруг случилось невероятное. Коровы стали бегать кругами, взбрыкивать, страшно реветь, потом, подняв хвосты, бросились в деревню.

У кого-то улетел пчелиный рой и опустился на землю. На него-то и набрело стадо. Отца я нашел лежащим в траве. К счастью, он отделался ушибами.

Особенно пугливы овцы. Я часто вспоминаю один случай, который произошел уже давненько. В нашей деревне почти все держат овец. Кто пять, кто десять, а кто и пару десятков. Шерсть идет на носки, рукавицы, да и валенки нужно скатать. Жила и у нас дюжина овец. Как-то осенью одна из них столкнула с кадушки крышку, в которой была пшеница, и овцы объелись. Четыре погибли сразу, а у пятой вдруг стала выпадать шерсть. Через несколько дней она почти вся облезла, стала голой, будто барабан. Дело шло к морозам.

Говорят, безвыходных положений не бывает. Нашелся выход и у нас. Мать нашла старенький полшубок, отрезала пуговицы, а вместо них пришила завязки. Потом поймали лысую овечку и приодели ее. Радовались, в полшубке в сарае, пожалуй, она может перезимовать. Но случилось невообразимое. Прямо и смех, и горе. Едва мы завели овцу в сарай, как остальные сородичи будто сдурели.

Потом обезумевшие от страха животные выбежали на протор. Я стоял в растерянности, не зная, что делать. Если вначале и похохатывал, то теперь мне было не до смеха.

Тем временем корова с телкой и овцы в паническом страхе мчались по улице.

— Что же ты стоишь?! — закричала мать. — Они же погибнут!

И этот окрик вывел меня из оцепенения. Я завел мотоцикл и помчался за животными. Еле-еле удалось поймать овечку в тулупчике. Привез ее домой и поехал за остальными. К тому времени корова с телкой, да и овцы успокоились. Однако домой не идут, боятся. С горем пополам пригнал их домой. А облезлой овечке пришлось соорудать отдельный хлев. Отгородил я ей в сарае клетушку, крышу соломой покрыл, чтобы другие овцы ее не видели. Так она и зимовала в этой конуре. А весной, когда шерсть у нее отросла, сняли мы с нее тулупчик и пустили к остальным. К тому времени у нее уже росли два симпатичных кучерявеньких ягненка.

А. ИВАНОВ

О ЧЕМ ПЕЧАЛИТСЯ КУКУШКА?

Свежо и вольно в березовых колках Барабы в пору цветения стародуба и подснежника. А в облюбованном Василием Пилипенко — механиком типографии — была и сухая полянка, и овальное зеркальце снеговицы. Усыхало это водяное зеркальце не по дням, а по часам — вот и спешили заглянуть в него выстроившиеся в бесконечную очередь облака.

Колок еще прозрачен, пронизан светом, и чье-то небольшое гнездо на березе с густыми ветками пока приметно издалека. Но не сегодня-завтра оно потонет, потеряется в листве: быстро и ярко разгорается на ветру зеленое пламя...

Устраивая с приятелями привал на молодой траве и вслушиваясь в отлаженную музыку лесных голосов, Василий в который раз подивился этому чуду — вечному обновлению дикой жизни, ее мудрости и ладу, складывавшихся веками. И вдруг — тревожные, отрывистые крики! Они так и резанули слух, как диссонанс запавшей клавиши гармони.

Василий осмотрелся. Кричали сорокаты возле гнезда на березе. Они перелетали с места на место, но почему-то не садились в гнезда. «Похоже, кто-то там чужой», — решил Василий. Он подошел к березе и постучал по стволу увесистой палкой. Тотчас из гнезда вылетела... кукушка!

Вот кто, выходит, нарушил птичий

мир — бездомница подкидывает свои яйца в чужие гнезда! Лишний рот в семье — еще бы полбеда. Беда в другом: едва вылупившийся на свет подкидыш первым делом расправляется со своими сводными братьями и сестрами. Василий припомнил кадры телефильма, где показывали, как голый слепой уродец с непостижимым упорством и ловкостью выпихивает за борт гнезда и птенцов, и яйца... Все-таки пакостные нравы у этих кукушек — с самого рождения!

Сорокопуты тем временем умолкли, и Василий, чтобы не беспокоить птиц, ушел на стан.

Прошло около часа. Как вдруг возле гнезда снова птичий переполох. Сороки! Полдюжины стрекодух птиц сидели и летали возле березы сорокопутов, а иные даже пикировали на гнездо, после чего во все стороны летели чьи-то перья. Наконец осажденная птица не выдержала. Это была все та же кукушка! Воровато выпорхнула она из гнезда и зигзагами, по-над землей полетела прочь от преследовавшей оравы сорок.

И на этот раз подлог не состоялся. А Василий уже не знал: то ли радоваться, то ли огорчаться невезению кукушки. Разве виновата она, что когда-то во тьме веков эволюция ее рода дала нелепый сбой? С тех пор и влачит мошенница поневоле судьбу отверженной. И разве не о том печалится ее голос — одинокий, потаенный, без которого, однако, мы уже и не представляем лесные дали.

Ю. ЧЕРНОВ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Б. Сергеев. Табель о рангах	1
Анатолий ОНЕГОВ. Белый охотник. Повесть	6
В. Астахова. Не так страшен черт, как его малюют	11
А. Чегодаев. Угрюмый брюзга	14
Вести с опушки	18
Ю. Краснощек. Пахучая сигнализация	20
Клуб Почемучек	25
А. Кузнецов. Под предводительством Тартарена	32
Записки натуралиста	40

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — сморчок (фото Р. Воронова); на второй — жирафы; на третьей — южно-американская речная черепаха; на четвертой — соболь (фото Г. Смирнова).

В номере использованы фото из журналов «Audubon», «National geographic».

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор **Б. А. ЧАЩАРИН**
 Заместитель главного редактора
Л. В. САМСОНОВА
 Ответственный секретарь **М. Н. ОСЕННОВА**
 Художественный редактор **Н. Н. ОРЕХОВ**

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29.01.99. Подписано в печать 10.03.99. Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 20 800. Заказ 274. Цена свободная. Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации по печати. 142300, г. Чехов Московской области. Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536. Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации (№ 01602). Учредитель — ООО «Редакция журнала «Юный натуралист»». «Юный натуралист», 1999, 1—48.

Телефон 285-39-48

Индекс 71121.

Дом соболя — тайга. Здесь он хозяин. Округлые короткие уши чутко реагируют на каждый шорох, писк. Обоняние у соболя отменное. Очень широкие лапы, подошвы которых сплошь покрыты шерстью, позволяют легко передвигаться по хрупкому снежному насту.

Соболь — приверженец кедровых лесов. Манят его сюда обилие грызунов, до которых соболь большой охотник, и кедровые орешки. По натуре своей соболь — индивидуалист, полновластный владелец собственного участка. Здесь все его. Ягоды, насекомые, тетеревиные птицы. На Дальнем Востоке замечено даже, как этот таежный зверек рыбачит. При нужде соболь легко взбирается на дерево, но охотиться предпочитает на земле. При этом зимой в поисках мышевидных грызунов переходит на подснежную охоту: ныряет в сугроб и легко передвигается в его толще.

Детенышей (от одного-двух до семи) соболь выводит в апреле — мае, используя при этом постоянное гнездо. Уже в полуторамесячном возрасте соболята начинают выходить из гнезда, а в августе выводок распадается и молодежь отправляется обживать новые участки.

